

Ульяна Соболева



4

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Петля

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Черные Вороны

Ульяна Соболева

Черные вороны 4. Петля

«Автор»

2017

Соболева У. П.

Черные вороны 4. Петля / У. П. Соболева — «Автор»,
2017 — (Черные Вороны)

В четвертой книге серии речь пойдет о тщательно продуманном плане мести, который шаг за шагом будет воплощать в жизнь Андрей Воронов. «Око за око» - вот каким принципом будет руководствоваться один из главных героев, выбирая в качестве мишени самое ценное, что есть у его врага. Он окунет всю семью Ахмеда в адский водоворот потерь и боли. Но никому не известно, кто именно попадет в смертоносную петлю и на чьей шее она затянется предательским узлом. Адаптации и римейк серии "Любовь за гранью". Сюжет повторяется! В оформлении обложки использована фотография автора Evgeny Ustyuzhanin с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

© Соболева У. П., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Лекса	5
Глава 2. Андрей	10
Глава 3. Андрей	15
Глава 4. Лекса	22
Глава 5. Андрей	27
Глава 6. Макс	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Соболева

Черные вороны 4. Петля

Глава 1. Лекса

Если вашу мечту легко осуществить,
значит это фигня, а не мечта.

Фредерик Бегбедер. «Романтический эгоист»

Я смотрела на фото мужчины на сайте новостного портала и не понимала, почему так зависла. Да, я несомненно видела его раньше... Видела мельком, отец как-то говорил с ним по скайпу. По тону голоса я прекрасно понимала, что они далеко не друзья и даже не партнеры. Скорее, враги. Тем больше любопытства вызывал во мне этот тип. Вроде ненамного младше отца, а выглядит так, что пальцы ног поджимаются от восхищения. Мне никогда не нравились сверстники... нравились мужчины постарше, и сейчас казалось, что по телу пробегают мелкие электрические разряды. Избалованная мужским вниманием, даже пресыщенная, я, тем не менее, не много могла себе позволить. Отец пусть и давал мне больше свободы, чем полагалось, но были пределы и у его терпения. Все, с кем я встречалась, исчезали из моего поля зрения, едва осмеливались сблизиться со мной. Проклятый Сами – цепной пес отца, следил за мной, как евнух за гаремом. Отец говорил, что он многое мне позволяет, но замуж я выйду за того, кого он сам выберет, и по всем правилам и законам нашей семьи. А до замужества, если опозорю его имя, лично пристрелит. И я не сомневалась, что так он и сделает.

Я никогда на его счет не обольщалась. Я знала, кто такой мой отец и на что он способен. И об этом не обязательно говорить вслух. Я видела, как трясутся от страха все эти людишки из его окружения. Как дрожат их руки и колени в его присутствии. Отца боялся даже покойный Бакит. Выяснять почему – я не хотела. Меньше знаешь – крепче спишь. Это мужские дела, как говорит отец, и женщинам там не место. Но, наверное, я поистине поняла, каким он может быть только тогда, когда однажды его послушалась.

Однажды, еще на первом курсе универа, мы с моей новоявленной подружкой умудрились сбежать от Сами с охраной и закатились в ночной клуб. Через полчаса заведение закрыли. Навсегда. Здание снесли уже на следующий день, а через неделю там начали строить какой-то супермаркет. Сами в ту ночь привез меня к отцу пьяную, в мини-юбке и с размазанной помадой. Отец ничего не сказал, только велел умыться, а потом позвал меня в свой кабинет и показал видео, как какие-то амбалы заталкивают мою подружку в минивен. Я судорожно сглотнула, а он тогда сказал нечто, что я запомнила на всю жизнь.

«Она получит то, за чем вы туда пришли. Ее больше никто и никогда не найдет. В этом виновата ты, Лекса. Живи и помни об этом всегда».

Сделал шаг ко мне, а я в ужасе отшатнулась. Он усмехнулся и все же подошел очень близко. Насильно привлек меня к себе, поглаживая по голове.

«Лекса, я постараюсь, чтоб у тебя было все. Луну для тебя куплю и твоим именем назову. Только не разочаруй отца... Пристрелю. Как суку. Поняла?»

Да, я поняла. Очень хорошо поняла. И вряд ли когда-нибудь забуду и прошу ему это... Я чувствовала свою вину. Если бы не связалась со мной, то ее не постигла бы такая ужасная участь. И именно тогда меня начали посещать мысли о моей матери... Той ночью мне впервые приснился кошмар. Потом он будет сниться мне снова и снова, перекошенное ненавистью лицо женщины... она смотрит на меня и шепчет синими губами:

«Ты проклята... я прокляла тебя... ненавижу-у-у-у... проклята... проклята...» Ее скрюченные пальцы тянулись ко мне, забирались в волосы, впивались в кожу и как тонкая железная проволока проникали под кожу, чтобы оплести мою душу паутиной и утянуть в пропасть, кишашую огромными черными змеями. «Я заберу тебя у него... как он забрал мою молодость, мою жизнь и мою душу... Вы оба убили меня. Ненавижу тебя. Лучше бы ты не рождалась. Ты убийца, как и твой отец-живодер. Он – монстр, он – чудовище, а ты – отродье монстра».

Спустя время, когда мне приснился этот кошмар где-то в десятый раз, я с ней впервые заговорила... со своей матерью. Потому что это была именно она. Я никогда ее не видела, но точно знала, что это она. Я чувствовала на подсознательном уровне. Тем самым чутьем, которое во сне никогда не бывает ошибочным.

«Но ведь я не виновата, мама. Я люблю тебя. Я думаю о тебе. Мне и папе... нам так жаль, что ты покинула нас, я бы все отдала, чтобы ты была рядом». А она посмотрела на меня страшными пустыми глазницами и прошипела:

«Он лично уничтожил меня... вонзил нож мне в сердце, твой отец – жуткая тварь, и ты... ты такая же. Проклинаю тебя... ты виновата».

Передернув плечами, я перевела взгляд на монитор и поудобнее устроилась в кресле, продолжая рассматривать мужчину. Как говорит моя подруга Кира: «Ёкнуло, да? Ну всё, шоу начинается». Что-то в этом лице заставило меня смотреть на изображение не отрываясь. Красивый. Очень красивый и какой-то холодный. Есть люди, излучающие ледяной холод. Я еще с детства привыкла представлять людей частью какой-то стихии. Отец напоминал огонь. Неизменно обжигающие языки пламени, которые сплетались с моим жаром, отчего получался апокалипсис. Настоящий взрыв. Потому что я ненавидела любое давление, а он любил давить на всех без исключения, но со мной это не работало. Я не хотела быть овцой, как все женщины из нашей семьи. Я даже жить с ними отказалась. Ультиматум отцу поставила: либо к себе заберет, либо я сбегу, но жить по их правилам я не намерена. Как ни странно, но он уступил. Почти без войны. Сказал собирать вещи и увез с собой в Россию. Правда, условия чуть позже поставил. Показал наглядным примером, что будет, если послушаюсь.

Снова посмотрела на изображение мужчины. Завораживающий лёд, который вызывал острый соблазн поджечь его. Почувствовать, как он будет таять ледяными каплями. Умеет ли такой плавиться от страсти, или он никогда не поддается эмоциям? Мне показалось, что не поддается. Душит их на корню. Этот холодный взгляд, полный презрения, и лицо, словно высеченное из мрамора. На секунду захватило дух, когда представила себе, как эти глаза смотрят иначе. Огонь, скручивающийся спиральками во льдах, как оранжевые молнии. Наверное, женщины сходят по нему с ума. Даже здесь, на фото, он был рядом с женщиной. Я не сразу её заметила, а сейчас видела, как она смотрит на него. В статье прочитала, кто она такая – владелица элитного глянцевого журнала. Можно было и не сомневаться, что такого, как он, окружают довольно известные женщины.

Я видела в своей жизни достаточно красивых мужчин, но никто из них не был похож на этого. Я смотрела на его лицо, на очень темные карие глаза, и ощущала странный полет, до оглушительного сердцебиения в ушах и тошноты от набранной высоты... У меня почему-то возникло стойкое убеждение, что рядом с ним можно почувствовать космос. Во взгляде его спутницы я отчётливо этот космос видела... а еще страх – упасть с этой высоты в бездну, когда даже до земли не долетишь, а соришь в атмосфере. Я почему-то была уверена, что такие, как он, долго женщин возле себя не держат, либо не подпускают близко. Стало интересно, и я решила, что непременно почитаю о нем опять.

Еще тогда, когда увидела его изображение на экране планшета отца, и тот быстро отвернул дисплей, я почувствовала это непреодолимое желание увидеть его снова. Спросила у отца, кто это, но он грубо меня одернул и отправил к себе в комнату.

«Андрей Воронов... Андрей Савельевич Воронов»

Вбила в поисковик его имя и принялась листать статьи одна за другой. Был женат, точнее до свадьбы дело не дошло – невесту Воронова застрелили в собственном доме. У него есть дочь. Школьница. Младше меня всего на несколько лет. В статье как раз писалось о том, что девочка очень тяжело пережила трагедию. Внутри что-то дернулось, и я почему-то подумала о маме... А как она умерла? Почему отец никогда мне об этом не рассказывает и злится, если я спрашиваю? Почему мне снятся о ней только кошмары?

– Лекса!

Я захлопнула крышку ноутбука и резко обернулась к своему дяде Саиду. Принесла его нелегкая к нам в гости на целый месяц. Ходит тенью, следит за мной, отца настраивает против, лезет вечно не в свое дело. После смерти дяди Бакита они все как с ума посходили. Мне даже казалось, что охрану везде усилили. Скоро вертолет ко мне приставят для сопровождения. И так стыдно перед своими, что за мной везде свита ездит и чуть ли не в туалет со мной ходит. На каждом концерте оцепление, будто я звезда мирового масштаба.

– Отец звонил. Говорит, ты на сотовый не отвечаешь.

– У меня сдохла батарейка. Я ему перезвоню.

– Сейчас перезвони, Лекса. Он ждет.

На мейле пикнуло оповещение о новом сообщении. Я дождалась, пока дядя выйдет из комнаты и лихорадочно открыла письмо. О-о-о-х... как же я его ждала и в тот же момент боялась увидеть ответ. Несколько секунд медлила, а потом все же жадно прочитала, чувствуя, как покалывает затылок и расплзаются мурашки восторга вдоль позвоночника:

«Уважаемая Александра Ахмедовна, мы рады сообщить, что Вы прошли первый отборочный тур в международном музыкальном конкурсе “Парад планет”. Мы ожидаем Вас на пробное прослушивание, которое пройдет...»

Дата прослушивания значилась завтрашним днем. Также указывался адрес проведения мероприятия, номера телефонов для связи и мейл продюсера, заинтересовавшегося мною. Я широко распахнула глаза и прижала руки к груди, чувствуя, как начинаю задыхаться от восторга. Сам Козловский. Быть этого не может! Просто не может! Он же только самыми крутыми звездами занимается. Где я и где они? Но я знала, что Арнольд Козловский выбирает себе новых протеже на разных дилетантских конкурсах. Некоторых вообще из глухомани привозит и вкладывается в них, а потом делает звездами национального масштаба. Неужели он заинтересовался мной?

– Охренеть! Просто охренеть! Так не бывает! О Боже... Ничего себе. С ума сойти!

Это та мечта, которая мне самой казалась единственной недостижимой и несбыточной. Мечта стать певицей. Хотя я знала, что стоит мне попросить отца, начать умолять – и я все получу. Даже этого Козловского вместе со всеми потрохами... но это было бы не то. Это было бы не моим достижением. И это уже не было бы мечтой... Я была разбалована во всем.

Мои желания исполнялись всегда. Без лишнего пафоса и преувеличений. Стоит чего-то захотеть – и это преподносили на блюдечке с какой-то там каемочкой разных цветов и оттенков. Я ни в чем себе не отказывала, я могла получить что угодно. Но, как это обычно и бывает, когда у тебя есть все, то самой заветной мечтой оказывается та, которую не купишь за деньги. Например, обычная семья, где все любят друг друга и ужинают за одним столом. Семья, где мать расчесывает своей дочери волосы и рассказывает сказки перед сном, а отец не просто звонит из очередной поездки, чтоб осведомиться, как у тебя дела, а находится рядом. Но плевать... на все плевать! Я привыкла. Мне этого и не надо. К черту семью, к черту всех. Мне и одной хорошо. Я самодостаточная личность, и я всем им докажу, что могу достичь таких высот, которые им и не снились. Мне не нужны для этого деньги отца, его связи, власть и сила. Есть мечты, которые нужно осуществлять самостоятельно. Именно они самые бесценные.

Больше всего на этом свете я любила музыку. С детства. С самого раннего. Она меня завораживала. Я могла часами слушать классику, когда мне было всего четыре. Вместо того

чтобы играть в игрушки, я сидела с открытым ртом и слушала концерты. Кто-то мечтал о новых куклах, а у меня их самых разных пруд пруди, я же хотела пианино и гитару, и ударные, и вообще, потом захотела свою студию.

Отец нанял для меня частных преподавателей, когда в доме его тетки села за пианино и пыталась подбирать мелодии, совершенно не зная нотной грамоты. Правда он думал, что это блажь и скоро меня отпустит, а он сможет просить меня сыграть для его гостей, чтобы все умилялись и восхищались его талантливой доченькой... Дальше этого я вряд ли пойду. Но ему будет приятно хвастаться моими способностями к музыке. Да, мало похоже на моего отца, но у всех есть свои слабости. Он мной гордился. Только не более чем красивым произведением искусства, в создании которого принял непосредственное участие. Таким образом можно гордиться картиной-подлинником, купленной за баснословные деньги. Ее холят, лелеют, любят, охраняют... и все же это картина. Не более. Это ощущение меня не покидало с самого детства. Он содрогался от восторга, когда меня хвалили в его присутствии. Ведь я так не похожа на девочек из нашей семьи уже хотя бы тем, что я натуральная блондинка. Я помнила, как злобно шипела на меня двоюродная сестра, которую я оттащила за косы за то, что плохо говорила о моей маме, называла русской сучкой. Она кричала мне: «Мутантка белобрысая, альбинос. Ты не наша семья – ты выродок. Тебя надо было в детстве утопить». Поколотила я Наргизу тогда хорошо, она урок точно запомнила, а ее мать долго не принимала нас в гости, ссылаясь на плохое самочувствие. Думаю, они все с облегчением вздохнули, когда отец увез меня подальше.

Через несколько лет я уже играла на нескольких музыкальных инструментах и пела в школьном ансамбле. Дальше по нарастающей. Конкурсы, выступления, первые успехи, концерты, записи дисков. Конечно, не без помощи отца, но все же диски раскупали. И я запрещала ему вмешиваться. Не давала лезть в мои успехи. Я хотела сама. Доказать, что что-то могу. Он смеялся и говорил, что без его помощи максимум, на что я могу рассчитывать – сцена одного из столичных ресторанов, и то, только если он этого захочет. А он меня, естественно, туда не пустит. Надо завязывать с этим и браться за ум. Идти учиться.

Ему вообще не нравилось, что я увлеклась музыкой настолько серьезно, да и семья на него давила. Негоже женщине из семьи Нармузиновых по концертам мотаться и светиться везде.

Но я не собиралась сдаваться. Я хотела большего. У нас собрался свой коллектив, своя группа. Мы ездили выступать по небольшим городам, пестрели в соцсетях с новыми треками. Правда, до чего-то грандиозного не дотягивали. Молодежных групп сейчас слишком много, пробиться не просто тяжело, а нереально трудно. Отец периодически интересовался моими успехами и посмеивался, когда я говорила, что особо нечем похвастаться. Предлагал свою помощь, но я отказывалась. Это напоминало своеобразную войну. «Признай, что без меня ты никто», а я не признавала. Я хотела, чтобы меня считали талантливой. Точнее, я в этом не сомневалась, но без общественного признания это ничего не стоило.

Когда мы попытались пробиться на конкурс, я запретила отцу вмешиваться. Запретила давить на жюри, запретила даже звонить в приёмную комиссию. Я сказала, что если узнаю, что он помог, то никогда ему не прощу.

Если кто-то и мог подумать, что он испугался моих угроз, то только не я. Ахмеду Нармузинову было глубоко наплевать на чье-то прощение, а на мое особенно, он просто хотел, чтобы я обломала крылышки и уgomонилась.

Мы прошли первый отборочный тур и попали на сам конкурс. Это была победа... И сейчас я смотрела на электронное письмо и мне хотелось завопить от радости. Я схватила сотовый, едва он зажужжал, включаясь и высвечивая яблоко на белом экране.

Давай! Включайся! Я хочу, чтобы отец знал об этом. Меня приняли, я прошла! Мне нужно собираться и уже сегодня вылетать. Сегодня-я-я-я! Наверняка, они долго думали...

потом позвонил Козловский. Он увидел запись отборочного тура и выбрал меня. Он им сказал, что вот эту девочку тоже надо взять, что она талантлива, и это, наверняка, новая звезда и... Меня унесло. Я прям представляла, как Козловский звонит учредителям конкурса и говорит о том, что он хочет только меня, и без меня этого конкурса не будет.

Отец ответил не сразу. Любит он на линии подержать. А когда взял трубку, я набрала в легкие побольше воздуха и выпалила:

– Пап! Меня взяли-и-и-и. В «Парад планет».

Он выдержал паузу, я даже слышала, как отец сказал кому-то очень тихо, чтоб убиралась. Послышался звон и где-то хлопнула дверь. Очередная девка. Я даже не задумывалась о них. Отца никогда не видели с женщинами. Он не заводил отношений.

– Ну, я рад. Молодец. Поздравляю. Когда вертушку готовить?

– Пап, надо успеть. Конкурс уже завтра, в столице. Сегодня вылететь.

– Иди, пакуй чемоданы, Лекса. Успеешь.

– Я говорила, что люблю тебя, папа?

– Не говорила. Можешь и не говорить, я и так знаю. И еще – без фокусов там. Сами с тобой поедет.

– Пап?

– Да.

– Ты точно ничего не сделал?

– В смысле?

– Ты ни на кого там не давил?

– Где там?

– Папа! Ты прекрасно меня понял. Меня на конкурс взяли без твоего вмешательства?

– Лекса, последнее, о чем я думаю – это вмешиваться в твою блажь. Выиграла – молодец. Играйся. Надоест – найдем тебе другую игрушку. Письмо мне перешли. Я все проверить хочу. И иди, пакуй чемоданы.

В вертолете меня раздирало от невероятной радости, меня от нее просто подбрасывало. Я написала всем подругам, мы запостили эту новость в соцсетях. Я принимала многочисленные письма поддержки, лайки в инстаграме, твиттере и вконтакте. Я просто предвкушала свой триумф. Потому что даже просто участие в таком грандиозном проекте – это победа.

Меня встретила машина с представителями конкурса. Меня фотографировали и задавали вопросы о том, как я долетела.

А когда мы сели в автомобиль и заблокировались двери, мне вдруг начало казаться, что здесь что-то не так... Разве в аэропорту не должны быть журналисты и операторы? Я обернулась и увидела машину Сами, следующую за нами. Выдохнула и повернулась к мужчине в черном костюме, который представился сопровождающим.

– Так вы говорите, меня вначале отвезут на пресс-конференцию в честь открытия конкурса? Я бы хотела заехать в отель и переодеться. Отец снял мне номер в «Мирмакс Эксклюзив». Отвезите меня вначале туда.

– Конечно. Именно туда мы и поедем.

Я кивнула и снова достала смартфон, отписываясь Кире, что долетела прекрасно. Спустя время мне показалось, что мы как-то слишком долго едем, и я, выглянув в окно, похолодела – машина неслась по пустой загородной дороге. Я резко обернулась назад и автомобиль Сами уже не увидела.

– Куда мы едем? – спросила я и стиснула смартфон пальцами.

Мне не ответили, и когда я перевела взгляд на дисплей своего айфона, то увидела, что связь пропала.

Глава 2. Андрей

Инстинкт мести в конечном счете есть не что иное,
как инстинкт самосохранения.

Эмиль Дюркгейм

– Андрей Савельевич, мы следуем в пункт назначения!

– Как себя чувствует наша звезда? – со смешком спросил я.

– Звезда на удивление сообразительной оказалась, уже начала соображать, что к чему....

Кричит, матерится и грозит позвонить папочке.

– Блокировки сигнала в действии?

– Да. Сами с главной машиной общаемся по рации.

– Как с ее охраной все прошло?

– Без происшествий. От хвоста оторвались. В течение получаса будем на месте!

Я нажал кнопку отбоя и ухмыльнулся, повторяя про себя слова Русого. Конечно без происшествий. Хотелось даже вслух добавить «пока что». Все происшествия нас ждут впереди, и сейчас я почувствовал, как кровь по венам побежала быстрее и в голове зашумело от нетерпеливого предвкушения. Как же долго я ждал этого часа. Каждый день, месяц за месяцем, преодолевая дикие приступы ярости и отчаяния, чтобы не сорваться с места и голыми руками не прикончить эту тварь. Он, как гребаная тень отца Гамлета, преследовал меня повсюду – не было и минуты, чтобы я не думал о том, как окуну чертового ублюдка в грязь. Ему не привыкать – он в ней живет, но теперь пришло время ею захлебываться.

Даже у самых конченных отморозков есть слабое место, ахиллесова пята, суть лишь в том, что кому-то удастся до конца своих дней умело скрывать ее от остального мира. И мне нужно было ее найти. Деньги, влияние, даже его ничтожная жизнь – это слишком мало. Это ничто по сравнению с тем, в каком котле раскаленной смолы варились мы. И все эти басни про то, что время лечит – лишь жалкое утешение для наивных слабаков. Оправдание для тех, кто опустил руки и смирился с собственной участью.

Последние месяцы я жил одним – желанием отомстить. Эта жажда заменила мне даже воздух, вытеснила все мысли, и я подпитывал ее с одержимым желанием разрушить все и всех, кто окружает этого сукиного сына. Любую мелочь, которая представляет для него хоть какую-либо ценность – вплоть до фоторамки на стене.

Тот день, в кабинете врача, когда моя дочь с закрытыми глазами вынуждена была пройти через самый страшный ад, который ее вряд ли когда-либо отпустит, уничтожил и меня тоже. Прежнего. Выжег все внутри, оставляя лишь покрытую уродливыми трещинами почву.

«Терплю боль, кусаю себя за щеку, только чтобы продержаться. Еще один толкается в меня, а второй фотографирует и пьет что-то из бутылки. Они опять на своем говорят. Да я и не пытаюсь слушать. Какая разница уже... Слышу, как звонит телефон и смуглый отвечает. Он доволен, по голосу слышу, что разговор эмоциональный. Но не понимаю ни слова... кроме имени Ахмед...»

Каждое слово – непрекращающимся эхом в голове. Снова и снова, просто меняя свое звучание от оглушительно-громкого до навязчиво-отдаленного. Места себе не находил, казалось, с ума сходил от боли за дочь, злости на самого себя и жгучей ненависти, которая затмевала разум, путала мысли, мешая сосредоточиться. Я знал, что отомщу. Знал, что заставлю эту мразь встать передо мной на колени. Не для того, чтобы умолять, нет. Не это мне нужно. У меня иные цели – сломать, уничтожить, чтобы был от желания сдохнуть и не мог.

А дальше... смерть отца... плен Дарины... Макс, который... Запнулся, даже в мыслях не смея заканчивать эту мысль. Слишком много боли. Слишком много разочарования. Всего слишком много. После чего не будет как прежде, как бы ни хотелось. Как ни пытаешься понять, принять или забыть – не будет. Есть грань, перешагнув которую, меняешься не только ты, но и мир вокруг тебя, в том числе и люди, которым в нем уже нет места. Вереница потрясений, которые сделали нас другими, и в кровавом эпицентре всего этого – одна-единственная мразь. Со своей неизменной ухмылкой, раскосыми глазами и руками, заведенными назад – в них всегда нож, который рано или поздно вонзиться в чью-то спину.

Миллион раз я видел, как сдавливаю голыми руками его шею, наслаждаюсь предсмертными хрипами и ощущением, как под сжатыми пальцами ходит ходуном кадык. А потом хладнокровно вырываю его и улыбаюсь тому ужасу, который плещется в глазах твари от вида крови, забрызгавшей мою отутюженную белоснежную рубашку. От осознания, что чужой триумф и ненависть – последнее, что он увидит в своей жизни.

А еще... все чаще ко мне во сне начала приходить Лена... Каждый раз, когда удавалось уснуть хотя бы на несколько часов, я просыпался с колотящимся в груди сердцем... Я видел ее в том самом белом свадебном платье и с зияющей дырой в груди. Пятна крови растекались по белому атласу витиеватым узором смерти. Она никогда раньше мне не снилась. Хотя я жаждал увидеть ее хотя бы там, во сне. Тосковал, винил себя, пожирал изнутри, мысленно заклиная, чтобы появилась – а она не приходила, словно наказывая. А после того, как услышал тогда из уст Карины имя «Ахмед», все изменилось. Ожило опять, потому что понял, не отомстил за нее. Ни за Лену, ни за дочь. Убрал не тех, все это время уверен был, что хоть часть вины кровью смысл, а оказалось, что все было зря.

Каждый мой сон начинался одинаково – день нашей свадьбы... Макс, отвешивающий свои пошлые шуточки и подбивающий меня хлебнуть виски, трасса, которую мы рассекаем, и часы, на которые я смотрю каждую минуту. Секундная стрелка,двигающаяся по циферблату, врзается в память, все время напоминая, что я не успеваю. Не успеваю, твою мать! Каждый раз, когда видел этот сон, ни разу не смог ее спасти. То гребаная пробка, в которой мы застряли, помешала.. а в следующий раз, когда удалось ее объехать, я, как в самой идиотской комедии, застреваю в лифте... Или мы «снимаем» с Максом всех ахмедовских ублюдков, но пуля снайпера все равно достигает своей цели, а Карину увозят – в самый последний момент, когда казалось – вот, наконец-то я все исправил. И так постоянно... ночь за ночью... покрываясь мокрым потом и сжимая руки в кулаки до хруста... потому что я ни разу НЕ УСПЕЛ! Каждый раз моя надежда подыхала, захлебываясь кровью, а я... я, бл***, оставался жить. И моя жизнь не имеет никакого смысла, пока эта тварь ходит по этой земле и дышит... дышит, бл***, с нами одним воздухом.

В одну из таких ночей я в очередной раз подорвался на постели и, натягивая на себя первую попавшуюся рубашку, схватил ствол. Задыхаясь от едкой гари ненависти, дернул за дверную ручку и выбежал в коридор, направляясь вниз... Урою нахрен... прямо сейчас... поеду и пристрелю как собаку... сам сдохну – но убью! А потом, проходя мимо комнаты Карины, заметил узкую полоску света и оторопел. Несколько секунд пошевелиться не мог, чувствуя, как опять волна боли накрывает. Будто пелена с глаз спала. Она не выключала свет на ночь. Боялась. Словно демоны, которые мучили ее, могли испугаться света ночника. Так по-детски наивно... хотя давно не ребенок, заставили, суки, повзрослеть раньше времени. Сердце сжалось так невыносимо больно, что стало нечем дышать. Захотелось ворваться к ней и схватить в охапку, качать на руках, как маленькую... так, как качала, наверное, когда-то Лена. И понял тогда – не пойду и не урою! Несмотря на то, что изнутри разрывает от желания сделать именно это. Потому что права не имею... Если под пули попаду – одна останется в этом мире. Одна не в прямом смысле – Максим с Дариной никогда не бросили бы, а предана. Предана единственным родным человеком. Окончательно и бесповоротно. Только это удерживало,

заставляло давить в себе любые вспышки ярости, натягивающие стальные струны терпения до упора. Контролировать эмоции, подавляя и заставляя думать. Анализировать. Собирать информацию. Не ту, которая значится в бездушных досье всевозможных частных детективов, а другую – которую берегут как наивысшую ценность и охраняют от чужих глаз настолько тщательно, что перегрызут горло любому, кто подберется к ней слишком близко.

Через какое-то время я наизусть знал всю ахмедовскую родословную, кто что предпочитает на обед или ужин, какие невроты безуспешно пытаются вылечить его двоюродной тетке и в скольких метрах от дома похоронила хомяка его племянница. Иногда у меня складывалось впечатление, что я начал жить не своей жизнью. В определенном смысле так это и было. Я запоминал каждую мелочь, откладывая в памяти, словно файлы с данными, и они отпечатались в моих мозгах, как в лучшем из архивов. Я продумывал каждый шаг, их последовательность, вырисовывая схемы, потом перечеркивая их, понимая, что чертов сукин сын выстроил вокруг себя самую настоящую крепость. Все непросто... Наоборот – каждый раз я понимал, что подобраться к ублюдку почти невозможно. Умная тварь, этого нельзя было не признать. А по-другому и быть не могло – то положение, которого он добился, говорило само за себя. Сейчас главное – не переоценить собственные силы и в очередном порыве бешенства не сделать даже один неосторожный шаг, или, поспешив, что-то упустить. Нет права на ошибку. Лимит исчерпан.

Поначалу это холодное трезвомыслие давалось мне с огромным трудом. Одно имя выродка вызывало во мне неконтролируемую нервную дрожь... Не говоря о многочисленных фото его плодотворной семейки. Я по уши окунулся в этот грязный мир напускной порядочности в стиле «строгостого восточного воспитания», под которой копошатся болотные черви порока и подлости.

Но со временем на смену ярости пришло какое-то извращенное удовольствие. От ожидания... От предвкушения того, как однажды их изумленные лица исказятся от горя. Как запаникует Ахмед от ощущения, что земля под его ногами наконец-то дрогнула. Как ужаснется от осознания, что впервые в жизни он испытывает страх. Животный ужас и то самое бессилие, от которого хочется биться головой о стены, понимая, что ты них**а не можешь сделать.

А он будет, непременно, потому что я в конце концов нашел. Нашел ту самую мишень, в которую следует целиться. Это его дочь, которая, как бы фантастически это ни звучало, была его бесценным сокровищем. Учитывая то, что большинство женщин, которые попадали в постель к ублюдку, не доживали даже до рассвета, наличие у него дочери, еще и от русской, заставляло задуматься. Циничный монстр способен на чувства? Звучало как насмешка, но правда порой может быть невероятнее самой изощренной лжи. Он забрал ее к себе, несмотря на все нормы воспитания, которые не менялись в подобных семьях поколениями. Приблизил к себе, потакавая капризам, и, несмотря на железный контроль, становилось понятно, что она, пожалуй, единственный человек в этом мире, который имел на него влияние.

Ребенок от непонятной связи, которому не просто позволили родиться на свет, но и диктовать какие-то свои правила. За что ее люто ненавидели практически все члены семьи. Не похожа ни на кого из них, наоборот – ярко выделяющаяся. Даже имя у нее было славянское – Александра. Все эти детали имели свое значение, я был уверен в этом. Судьба матери неизвестна, но это до поры до времени. Этот тщательно запрятанный скелет я тоже достану. Чувствовал, что нужно копнуть поглубже. Эта женщина непонятно почему была особенной для Ахмеда, и я обязательно докопаюсь до истины.

Когда ко мне в руки попали фото из их семейного архива, казалось, что собственные глаза меня обманывали. Потому что там Ахмеда находился не в окружении шлюх, он не хлестал элитный виски, даже неизменных кокаиновых дорожек рядом не было, он был запечатлен рядом с ребенком. Светловолосая девочка с глубоким взглядом. Глядя на них, никто не смог бы поверить, что это отец и дочь, настолько непохожими они были. Черные как смоль, жест-

кие волосы мужчины и ее – светлые, мягкие, струящиеся по плечам блестящими локонами. Ее белая, словно фарфор, кожа ярким контрастом рядом с его – бронзово-смуглой. Единственное, что их “роднило” – оба были кареглазыми.

Вот он держит ее на руках, на второй она задувает свечи на каком-то невероятного размера праздничном торте. Позади гора подарков, а она словно не обращает на них внимания, не отводя взгляда от коробки с микрофоном. На следующей – руки тянет и глаза прищурила, словно показывая – никому не дам... даже поддержать. Улыбнулся невольно. На следующей фото уже за фортепиано сидит, ноги до пола не достают пока, бренчит что-то и поет, видимо. Рядом Ахмед, семейка их за столом, и все хлопают в ладоши, хотя в глазах – раздражение. Ненавидят девчонку, но страх перед отморозком заставляет всех лицемерно улыбаться и неискренне восхищаться. В какой-то момент мне даже стало ее жаль. Ребенок. В чем вина? В том, что не от того отца рождена была? А потом о Карине вспомнил, и тот же вопрос словно от стены отбился и опять прозвучал, только в этот раз совершенно по-другому. Смял в руках фотографию, и улыбающееся лицо Ахмеда покрылось уродливым заломом и вмятинами.

Листал фото, словно переворачивая страницы их жизни, наблюдая, как меняются лица, одежда, даже взгляды. Вот она стоит уже с высоко вздернутым подбородком на каком-то детском празднике и, как и всегда, выделяется среди других девочек – скромно одетых, словно укутанных с ног до головы какой-то невзрачной одеждой, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание. И только она – в ярком пышном платье, на запястье браслет сверкает, и что бросается в глаза – осанка, идеально ровная. Во взгляде – вызов. Она всегда чувствовала себя белой вороной, знала, что ее за это ненавидят, но желание быть непохожей оказалось сильнее. Наверное именно эта черта и восхищала в ней самого Ахмеда. В этой своей упертости она была похожа на него. Сильные люди ненавидят слабаков, они уважают лишь подобных себе, хотя всегда пытаются их сломать.

Рядом со стопкой фото на столе были разложены диски – с аудио и видеозаписями. Девочка росла, и, видимо, сладкая мечта стать звездой совсем вскружила ей голову. Нашла таких же повернутых на музыку друзей, и они часами пропадали на репетициях, сочиняли песни и даже выпускали диски. Один из них тогда и нашла случайно Карина, и мне пришлось на ходу сочинить историю об особом подарке для любимой дочери.

То, что по прошествии столького времени певица Лекса смогла стать известной лишь в узком кругу тинейджеров-обитателей соцсетей, говорит о том, что Ахмед дочери явно не помогал. Не хотел или дело принципа? Скорее, не мешал, считая блажью, уверен был, что пройдет это, перебесится. Умеет мелкая веревки из отца вить. Не так, как бы ей хотелось, но все же... Да и сумела нащупать тот самый рычаг, с помощью которого на отца воздействовать можно. Вспомнил сразу легендарный монолог Аль Пачино из “Адвоката Дьявола”, в котором он обозначает любимый из его пороков – тщеславие. Ему льстило, что дочь без его помощи завоевывает симпатии. Что идет к своей цели, не умоляя помочь. Он этого жаждал всем сердцем, и в то же время гордился, что она не ломается. Потом по городам ездить стали, по тусовка молодежным, фестивалям каким-то любительским. Он всегда делал вид, что его все это не интересует, а сам каждый раз видеонаблюдение устанавливал и смотрел, как дочь выступает и как ревет публика с просьбой исполнить песню на бис.

Это и есть тот крючок, на который он попадется.

А потом мне на глаза попалась анкета... Заявка на участие в музыкальном конкурсе. “Парад планет”. Святая святых для молодых талантов, которые боготворят это мероприятие, словно участие в нем гарантирует восхождение на музыкальный Олимп. На деле это всего лишь очередная “соковыжималка”, в которой слово “продюсер” вызывает благословенный трепет, а отпахать на него несколько лет за сущие копейки – считается самой священной миссией.

Только фабрика грез всегда будет манить к себе таких вот мотыльков, которые летят на яркие огни, веря в то, что уж их крылья они не опалят.

Решение, которое я так долго и упорно искал, созрело в одно мгновение.

В воздухе витал запах алкоголя и табака. Арнольд Козловский достал из золотого портсигара кубинскую сигару и, втянув носом аромат, закрыл глаза от наслаждения.

За всю жизнь не выкурил ни одной сигареты, а вот сигары... моя слабость. Присоединитесь?

Благодарю, возможно в другой раз, – я смотрел на высокого шатена, рассеявшегося в кресле напротив, и прекрасно понимал, что мне от него нужно. Он переводил разговор на разную чепуху, затягивая время, чтобы прощупать почву и в голове калькулируя, на какую сумму сможет меня “раскрутить”.

Гуру столичной богемы, акула шоу-бизнеса, крестный отец эстрады – и это далеко не полный перечень прозвищ, которыми его наградили. Кстати, вполне заслуженно. На его счету – несколько десятков самых успешных проектов. Его одновременно боготворили и боялись как огня, понимая, что попав в немилость к Козловскому – на карьере можно ставить крест. Ни один канал, радиостанция, даже забегаловка в спальном районе не возьмет на работу того, кто перестал устраивать Арнольда.

Зря, очень зря, Андрей... простите, не знаю, как по-отчеству...

Андрей более чем достаточно...

Ну, я вижу, вы человек серьезный и скорее всего занятой. Перейдем, пожалуй, к делу. Так как ко мне обращаются, в основном, по одному поводу, поставлю вопрос так – из кого в этот раз “конфетку” делать будем?

Я молча подвинул ему фото блондинки с мрачным макияжем и разодетую в какие-то лоскутки кожаной ткани. Сценический костюм почти не давал пространства для воображения, оголяя длинные стройные ноги и обтягивая упругие ягодицы. Поймал себя на мысли, что и сам засмотрелся, и краем глаза наблюдал за реакцией продюсера. Умом понимал, что почти в дочери годится, а взгляд, тем не менее, отвести смог не сразу. Козловский причмокнул и даже пододвинул фото поближе, чтобы лучше рассмотреть.

Экстерьер более чем приличный, я впечатлен... Полдела, считайте, сделано. А петь хоть умеет, или так – фанера наше все?

А есть проблема? Я думал, имею дело с профессионалом. Или слухи явно преувеличены?

Заметил, как напряглись его скулы, но он довольно быстро овладел собой и расплылся в наигранной улыбке. Деньги-то пока не в кармане, а терять их не любит никто.

Пытаюсь оценить объем работ, только и всего... При соответствующих ресурсах обезьян научат не только курить.

Я пододвинул к нему диск и подписанный чек. При виде суммы уголки его губ дернулись вверх, он был более чем доволен. А, включив диск и послушав запись, и вовсе расцвел.

Итак, обсудим детали. На какой сцене и в какие сроки вы хотите, чтоб она засветилась. Клипы, премьеры, диски – какие у нас задачи?

Первая задача – финал конкурса “Парад планет”. Это то, что мне нужно.

“Парад планет”? Вы серьезно? Но это же мелководье... я могу предложить куда больше, например...

Я повторяю – “Парад планет”. Не думаю, что вы плохо расслышали, – я оборвал его на полуслове, понимая, какую тираду мог бы сейчас выслушать.

Можете подыскивать подарок победительнице, Андрей...

Глава 3. Андрей

Там, где нет правосудия, возникает месть.

Максимилиан Вест

За неделю до событий в предыдущих главах

Звуки выстрелов взрывным эхом отбивались от толстых стен помещения, утопавшего в полумраке. Только небольшое ярко освещенное пятно вдалеке, на противоположном конце стрелкового коридора. Очередное нажатие спускового крючка – и вот еще одна пуля, подготавливаемая моей ненавистью, со свистом полетела в сторону опечатанного черного силуэта. Я держал пистолет прямо перед собой, целясь в находящуюся в нескольких десятках метров от себя мишень, слегка прищуривая глаза и в положенное время задерживая дыхание. Каждый выстрел – резкой отдачей в плечо, и промежуток между этими толчками все короче. Выпустил всю обойму, чувствуя, как заныли скулы от сжатых со всей силы зубов. Продолжал осата-нело нажимать на спусковой крючок, отказываясь осознавать, что вместо очередных выстрелов воздух прорезают лишь холостые хлопки. С раздражением опустив пистолет и вынув расстрелянный магазин из рукоятки, рассматривал изрешеченную пулями мишень, которая с каждой секундой становилась все ближе. А внутри опять поднялась знакомая волна отвращения – на секунду показалось, что вижу перед собой лицо ублюдка Ахмеда. Осталось всего несколько дней, а у меня стойкое ощущение, что время остановилось. Минуты, даже секунды, растянулись до размера какой-то резиновой бесконечности. Чем больше чего-то ждешь, тем сильнее нетерпение. Оно выматывает, заставляя думать об одном и том же, прокручивая каждую мысль в голове сотни раз. И тебе ничего не остается, кроме как коротать это гребаное время, потому что заставить его бежать быстрее ты не в силах.

Опять взглядом на часы. Отточенное движение. Когда ровно через десять минут зазвонил мой телефон, я довольно ухмыльнулся. Мне нравилось это ощущение, что все идет строго по плану – тому самому, который я так тщательно составлял и разрабатывал на протяжении последних месяцев.

– Здравствуй, Дед. Всегда буду поражаться твоей пунктуальности. Секунда в секунду...

– Время не ждет, Андрей Савельевич, раз вы сказали, что дело важное – работаем.

– Ну ты же знаешь, по не важному я бы тебя не дергал. Тут твой опыт нужен, а с профессионалами сейчас туго...

Дед получил свое прозвище за исключительный опыт в проведении самых сложных заданий. Смекалистый, умный, и чутье как у ищейки. Такой профессионал – на вес золота. Таких, как он, не отпускают – слишком ценен и слишком много знает. Преданность свою не раз подтвердил, и хотя о доверии с моей стороны речь не шла, но то, что он сделает все по высшему разряду, сомнений не вызывало.

– Да молодняку я бы это и не поручил, – прокуренный кашель резко ударил в ухо, заставляя меня отвести трубку.

– Ты, главное, это дело до конца доведи...

– Потом на покой отпустите?

– На покой отсюда только в гробу уходят, Дед. Да ты и сам не захочешь – я тебя знаю. Наставником тебя поставим – молодых да зеленых уму-разуму учить.

– Больше похоже на проклятие, Андрей Савельевич, чем на награду за выслугу лет....

Мы рассмеялись одновременно – друг друга с полуслова поняли. А через несколько секунд Дед продолжил:

– Короче говоря, контакт я без проблем установил. С тем, чтобы выманить, проблем не будет. Транквилизаторами подстрелим и на палке с петлей вытащим.

– Отлично. А что с главной частью плана? Теперь ты можешь дать ответ?

– Могу, Андрей Савельевич, кинологи уже начали проработку, – ответил хриплым голосом. – Но пес нам нужен в тесный контакт.

– Обеспечим! Все указания уже даны. Сколько времени на это уйдет?

– Ну, с собакой поработать придется плотно. Эти породы не ринговые, бороться особо не лезут, больше давят. Но конкретно эта особь азартна и несдержанна. Психика очень лабильна, демонстрирует явные признаки агрессии, короче, есть на чем сыграть.

– А как ситуация на самом объекте?

– Я уже несколько раз там был, с нашим человеком постоянно на связи. В дальней части усадьбы камер нет, только проволока с переменным током по верхней части ограждения. Оно и понятно, нет там смысла вешать датчики движения. То белки, то зайцы шмыгают. Да и пес постоянно без присмотра бегают.

– А патруль? Другие охранные собаки? Ограждение? Не лохи же там сидят – система безопасности похлеще, чем в Белом лебеде.

– Это мы уладим, расписание обходов нам с точностью до чиха передали.

– А внутри дома что? С персоналом как дела обстоят? Новый человек опасения не вызывает?

– Да там прислуга меняется, как салфетки в туалете – хохотнул... – как вы и говорили. Шарахаются от старухи, как черти от ладана. Знают, что управы на нее нет. Даже за большие деньги работать отказываются. Так что эту карту мы удачно разыграли, из постоянных там только охрана да горстка тех, кому уже рыпаться некуда.

Я постучал пальцами по столу и на несколько мгновений замолчал, прищулив глаза. В голове словно шестеренки закрутились, и схема со стрелками, которую я несколько раз прорисовывал, перед глазами возникла. Еще раз по всем главным пунктам прошелся, убедившись, что все идет согласно плану, до хруста сжал ладонь в кулак и перешел к итоговому указанию.

– У нас на все про все – максимум неделя. За это время мне нужен результат.

– По опыту могу вам сказать, что бьется всегда не пес, а тот, кто его направляет. Собачка будет обработана так, что один запах хозяйки будет вызывать ассоциации с болью. Дело техники. Звуковой сигнал добавим вместе с разрядами, выработаем условный рефлекс. Нужная аппаратура для подкрепления током тоже уже имеется. Так что, как только она почует старушеницу – слюну пустит, как собака Павлова.

– Работайте. И пожестче там, без сантиментов. Чтоб без единого шанса на другой исход.

Горничная бесшумно выскользнула из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Ее пальцы с побелевшими от напряжения костяшками изо всех сил стискивали края антикварного подноса для завтраков. На начищенной серебряной поверхности позвякивали осколки разбитого фарфора. Жидкая овсяная каша с мёдом и орехами стекала на накрахмаленную салфетку. Ровным уверенным шагом женщина спустилась вниз в буфетную, где в это время дня обычно собирался на завтрак весь персонал. Когда она вошла в большое помещение, все разговоры стихли, и женщина поняла, что алый след от пощечины на её щеке не остался незамеченным.

– Чертова старуха снова беснуется?

Это был Борис, старый смотритель, следящий за всеми коммуникациями особняка, а по совместительству ещё и дворник.

– Нет, это уже перебор, если она вздумает поднять хоть палец на меня – я немедленно заявлю и в агентство, и в полицию! – прошипела молоденькая служанка, которая работала в доме первую неделю.

Ей никто не ответил – все окружающие прекрасно понимали, за что им платят внушительную зарплату. А еще лучше они знали цену неосторожным словам. Несогласные здесь не задерживались. Скорее, пропадали в неизвестном направлении.

Поставив поднос с разбитой посудой на столешницу в кухонной зоне, женщина взяла влажное полотенце и, приложив к щеке, села за общий стол.

– Нинель, она не хочет кашу, просит приготовить омлет. Я подожду здесь.

Пухлая грузинка тяжело поднялась на свои отёкшие больные ноги и поплелась к холодильнику.

– Хозяйка совсем с ума сошла, как пропал это дьявол. Только я вам говорю, – она потрясла рукой с вытянутым вверх пальцем, – это черти его утащили! Нинель молилась о том, чтоб сгинула проклятая псина!

– Ты молилась, а вот отдуваться пришлось Абдулле.

Все помнили – когда выяснилось, что любимый ротвейлер хозяйки пропал, первый удар пришёлся на смотрителя территории. Именно он отвечал за собаку – выгуливал, устраивал псу пробежки по лесу, следил за рационом и количеством нагрузок. Охранной собакой призовой Рудольф Второй так и не стал, сделавшись диванным любимцем старой Зухры. Пёс спокойно перемещался по дому и территории усадьбы, наводя ужас на работников. Больше суток его лихорадочно искали по всем укромным уголкам обширного участка – подвалы, подсобки, дождевые коллекторы, люки, но собака как сквозь землю провалилась. Когда следов не нашли, решили, что пёс удрал через ослабленные упавшим деревом прутья забора в дальней части усадьбы.

На глазах всего персонала и под вопли маленькой скрюченной старухи “Куда ты дел моего Рудика?!” Абдулла клялся самым святым, что ни в чем не виноват, укрывая голову руками от остервенелых ударов резиновыми дубинками. Не успевший ничего понять Абдулла был в тот же день вышвырнут с работы, и наверняка потом ещё долго мочился кровью, не забывая благодарить Всевышнего за то, что остался жив.

– Омлет готов, забирай, моя хорошая, – сказала кухарка негромко.

Горничная очнулась от раздумий, и, поправив передник, стала сервировать серебряный поднос заново.

– Не грусти и не бойся. Хозяйка ни в чем никогда меры не знала. Жестокая была. От одного ее взгляда все холодели. Дети разъехались, навещают раз в несколько лет, так к могиле она совсем из ума выжила. – Кухарка поправила горничной накрахмаленный воротничок. – А как пёс её проклятый сбежал, так она лютует, будто дитя родное потеряла...

Взяв поднос, женщина вышла из буфетной, а поднимаясь по черной лестнице на второй этаж, ощутила вибрацию телефона, спрятанного на талии. Пользоваться мобильными телефонами на смене было строжайше запрещено. Быстро оглядевшись, она пристроила поднос на перилах и, достав телефон, прочла сообщение. Её задание подходило к концу.

Она аккуратно постучала в дубовую дверь, после чего отворила её и прошла вглубь большой тёмной комнаты.

– Ваш завтрак. Простите за ожидание, Зухра Фархатовна.

Пройдя к высокой резной кровати, богато задрапированной у изголовья бархатными складками балдахина, она поставила поднос с омлетом на прикроватный тумбу. Маленькая щуплая старуха в кружевном малиновом пеньюаре сидела, опершись на пухлые подушки, и следила за нею колючими черными глазками. Несмотря на весьма преклонный возраст она даже читала без очков и резво ходила на своих двоих.

– А ведь у меня для вас есть прекрасные новости. Ваш замечательный пес нашелся! – горничная подошла к ближнему высокому окну и раздернула тяжелые шторы в стороны, заливая комнату светом.

– Мой Рудик? Вернулся? – шуплые скрюченные руки Зухры затряслись, и крошечная чашка зазвенела на фарфоровом блюде.

– Именно так, мне только что сказали об этом в буфетной, – горничная прошла ко второму окну, так же по-деловому раскрывая шторы.

– Где он?! Почему его не привели?! – чашка полетела в сторону, разбиваясь в пыль.

– Он в котельной. Он весь вымазался в грязь, продрог и очень устал. Сначала необходимо его отмыть и...

– Рудик! Где мой Рудик! Безмозглая дура! Немедленно подойди сюда и помоги мне одеться!

Спустя две минуты горничная уже вела быстро семенящую старушку в дальнюю часть двора, туда, где в котельной у гостевого дома ждал её самый любимый друг. Обутые в лёгкие домашние туфли ноги неслышно прошли по мощным натуральным камнем ступеням вниз. В котельной, к изумлению хозяйки, оказалось довольно холодно, и она зябко куталась в подбитый норкой халат, спускалась в основное помещение.

Наконец, когда они одолели последнюю ступень, старушка вошла в подсобку с дорогой каменной облицовкой на стенах. Тяжелая металлическая дверь за спиной глухо лязгнула, но она смотрела только вперёд. Только на лежащего в центре комнаты массивного мускулистого пса с некогда лоснящейся шкурой.

Красавец-пёс, казалось, приходил в себя ото сна. Он тряс крупной головой с коротко купированными ушами, часто облизываясь и пуская стеклянные слюни.

– Рудик, мой мальчик, иди сюда, мой золотой! – она шаркнула в его сторону, но отчего-то застыла.

Пёс мотнул головой в направлении прозвучавшего голоса. Он в самом деле только недавно отошел от наркоза, антидот подействовал исправно, оставляя после себя невыносимую ломоту во всем теле. Его нос нервно дернулся, приняв к появившемуся хорошо знакомому запаху.

В этот момент в дальнем углу ожил небольшой приборчик, издавая практически не слышимые звуки, характерные для разряда электрического тока. По мощному телу животного пробежала судорога.

Он приподнялся и встал, пошатываясь на нетвёрдых лапах. Сделал пару коротких шагов вперёд и остановился, возвышаясь во весь свой внушительный рост. Казалось, он заполнил собою все замкнутое пространство каменного мешка, потому что из глубины его груди доносился низкий вибрирующий гул, ещё не переходящий в рык. Крутые черные бока с подпалинами шоколадного цвета тяжело вздымались и подрагивали от волн мелких судорог, то и дело прокатывающихся по корпусу от шеи до основания хвоста, который в свою очередь не переставал подрагивать от возбуждения.

– Рудик, Рудольфик, ты что, не узнал мамочку? – неприятное внутреннее предчувствие удержало её от порыва кинуться к любимцу, а в углу комнаты снова стрекотнул передатчик.

Псина снова вздрогнула, его ноздри раздулись, а глаза дико завращались в орбитах, сверкая желтоватыми с кровью белками. Пёс хрипло задышал, раскрывая пасть с крупными клыками, с которых тягучими тяжами свисала пенная слюна. Стрекотание повторилось, пёс с шумом облизнулся и, пригибая голову ниже, глухо зарычал.

Именно в этот момент старушка начала осознавать, что, возможно, ей не стоит сегодня пытаться приблизиться к питомцу, и сделала осторожный шаг назад.

– Малыш, мамочка сейчас принесёт тебе покушать... Много-много вкусных сухариков. Ты, наверное, просто устал и хочешь кушать. –

Она протянула руку к дверной ручке и попыталась открыть дверь. Ручка не поддавалась. Дверь была заперта с внешней стороны. Потеряв все самообладание она, не поворачиваясь к собаке спиной, начала колотить по металлической поверхности. Она неистово кричала и грязно ругалась, посылая проклятия и суля кару всем, кто так и не спешил ей на помощь. Лишь признав, что вряд ли кто мог услышать её крики из полуподвальной котельной в отдалении от хозяйского дома, она растерянно повернулась к собаке. Пёс окончательно ошалел от шума и гомона, который сливался со все нарастающим низкочастотным сигналом динамика, заставляя его воспаленный мозг плавиться от нагрузки. Он скалил пасть, щедро заливая пол пенистой слюной, налитые кровью глаза смотрели исподлобья на мельтешащую и размахивающую рукам старуху. Крадучись, он приближался к ней все ближе и ближе, припадая на передние лапы, а рык, сотрясающий его мощную грудную клетку и отражающийся от стен, напоминал раскаты надвигающегося грома.

Она быстро перебирала онемевшими от страха губами, шепча ласковые прозвища и умоляя взбесившегося монстра не трогать свою мамочку. В интуитивном жесте самозащиты её артритные ладони попытались прикрыть горло и лицо, но именно этот жест и стал триггером, тем спущенным курком, который взорвал пропитанное кровавым безумием и диким напряжением пространство. Словно пружины, мощные лапы вытянулись в длинном прыжке. Ещё долгие шесть минут из-за запертой металлической двери котельной доносились душераздирающие крики старухи и рычание взбесившегося пса. Когда все смолкло, горничная отправила смс и, отворив замок, удалилась.

Ахмед

Ахмед пнул носком сапога мужчину, валяющегося на окровавленном бетонном полу котельной, и повернулся к Рустаму. Тот невольно отшатнулся от босса, чье лицо походило на перекошенную маску. Левый глаз Нармузинова нервно дергался и начал слезиться, на лбу пульсировала жилка. Рустам подал платок, но Ахмед даже не заметил. Оттолкнул руку и снова пнул начальника охраны, а потом еще и еще, до кровавого месива. В бешеном остервенении. Под подошвой хрустели кости, и вскоре вопли несчастного начали стихать, отталкиваясь эхом от стен.

Никто не решался сказать ни слова. Ахмед издавал странные сипящие звуки, он задыхался, но продолжал бить свою жертву, а потом вытащил пистолет и выпустил в голову Рашида, начальника охраны Зухры Фархатовны, всю обойму. Мозги разлетелись в разные стороны, забрызгав стены и белые рубашки людей Нармузинова. Никто не пошевелился, только лица утерли и, замерев, смотрели на хозяина, как верные псы. Одно его слово – и от страха они раздерут друг друга.

– Дай свой ствол!

Рустам подал, и Ахмед пулей вылетел на улицу, где, опустив голову, стояла вся прислуга и охрана дома.

Раздалось несколько выстрелов и трое охранников замертво упали на землю.

Дрожащей рукой Ахмед отшвырнул пистолет и повернулся к Рустаму. Он до сих пор не сказал ни слова, но Рустам хорошо знал своего друга и начальника, чтобы понимать без слов.

– Пса пристрелили, как только открыли котельную. Уже было поздно, Ахмед. Он ее...

Нармузинов стиснул челюсти до скрежета, тяжело дыша, сжимая и разжимая кулаки. Кажется, он обезумел.

– На вскрытие!

– Тело твоей матери... – Рустам осекся, – Зухру Фархатовну не вскрывали, ждали твоих распоряжений.

– Пса, – Ахмед задыхался, – пса на вскрытие. Убрать здесь. Прислугу допросить! – Поднял голову и посмотрел Рустаму в глаза, – Нет, не допросить – пытаться. Каждую тварь в этом доме пытаться. Кто смотрел за псом?

– Некий Абдулла, но его уволили после того как пес пропал.

– Найти и тоже пытаться. Из дома никто не выйдет, пока мы не узнаем, кто это сделал.

– Брат, ты прости, я понимаю, хреново тебе, с матерью горе такое... но пес... порода бойцовская, Ахмед. Натасканный он на людей, вернулся голодный. Это несчастный случай.

Ахмед схватил Рустама за шиворот и зашипел ему в лицо, выпучив глаза, брызжа слюной.

– Я НЕ ВЕРЮ В НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ! В моем доме не бывает и не будет несчастных случаев. Всегда есть виноватая мразь, и я ее найду. Найду, мать твою.

Ахмед рывком обнял Рустама и тот махнул всем рукой, чтоб ушли.

Охрана потащила трупы за ноги со двора к небольшому минивэну за воротами.

– Тихо, дорогой. Тихо. Прими мои искренние соболезнования.

– К дьяволу соболезнования. Это была моя мать! Я не видел ее больше года! И не успел... не успел, Рустам! Не успел!

– Идем в дом, Ахмед. Там поговорим. Похороны организовывать надо. До захода солнца надо успеть.

– Вы все обыскали здесь?

– Обыскиваем... миллиметр за миллиметром... по периметру.

– Хорошо ищите! Ищите так, будто тут спрятаны бриллианты.

Они говорили, пока Ахмед поднимался по лестнице на второй этаж к кабинету. Ему ужасно хотелось нюхнуть, но он не смел. Только не в доме родителей. Все тело покрылось испариной и дрожало мелкой дрожью. Вошел в кабинет и закрыл дверь перед носом Рустама, показывая, что хочет побыть один.

Ему сообщили об этом утром, он как раз закончил снимать очередное горячее видео с тремя негритянками, которых ему привезли из Сомали по личному заказу. Экзотика оказалась не в его вкусе и посередине сеанса он позвал гостей развлекаться с девочками, а сам ушел к себе в спальню. Последнее время его вообще ничего не развлекало и не доставляло удовольствие. Мерзкое предчувствие покоя не давало. Бакит изувеченный снился пару раз. Какие-то вязкие кошмары, в которых вороны клевали глаза мертвому брату. Раньше в эту хрень никогда не верил, а тут наяву успокоиться не мог после этих снов.

А как услышал известие о гибели матери – думал, его удар хватил. Застыл на месте и слова не мог сказать. Только задыхаться начал. Воздух со свистом из легких вылетал, а ему дышать нечем. Первый приступ за столько лет. Кто-то принес ингалятор, и он сделал несколько глотков стероидного препарата.

Днем уже стоял в морге и смотрел на тело матери... точнее на то, что от нее осталось. Впал в странный ступор, в оцепенение, похожее на шок. Слова с того момента не сказал, даже вопросов не задавал. Ему все сами докладывали. А он думал только о том, что теперь вместе с мертвым Бакитом мать будет видеть. Как упрек ему, что не уберег.

Сел за стол в кабинете и откинулся на спинку кресла, сжимая переносицу двумя пальцами. Ни одной мысли. Только лихорадит всего. Сам собаку матери купил. Любила она эту тварь. Холила и лелеяла. Подарил ей убийцу, чтоб защищала, и не уследил.

В дверь кабинета постучали, и Ахмед медленно поднял голову.

– Открыто.

Рустам зашел и прикрыл за собой дверь.

– Чисто все. Ни одного чужака или следов взлома. Пес просто взбесился.

– Уверен?

– На все сто процентов. Мы еще снимки просмотрели.

– Какие снимки?

– В котельной фотографировали менты, мы изъяли из дела. Хочешь посмотреть?

– Давай, – Ахмед закурил и заметил, как дрожит его рука.

Рустам раскладывал снимки на столе, стараясь не смотреть на те куски мяса, которые остались от Зухры Фархатовны. Сам Нармузинов, нахмутив брови, вглядывался в каждое фото и, кажется, не замечал, насколько сильно продолжает дергаться глаз. Потом вдруг поднес один из снимков к лицу, что-то рассматривая. Медленно перевел взгляд на Рустама и швырнул фотографию на стол. Схватил сотовый, набирая чей-то номер. Вскочил с кресла, а когда ему не ответили, узкие глаза Ахмеда округлились, и он сорвал несколько пуговиц на рубашке.

– Кто... кто с Лексой на конкурс полетел?

– Сами, а что такое?

– Набери его. Спроси, где она? Ее сотовый заблокирован.

Помощник быстро набрал начальника личной охраны Лексы, но у того сработал автоответчик.

– Не отвечает, мать его... – пробормотал Рустам.

– Глянь... на снимок глянь. – у Ахмеда пропал голос, и он теперь просто шептал.

Рустам взял фотографию и резко побледнел – на полу, в брызгах крови, валялся смятый флаер с изображением комет, неоновых шаров на фоне темно-синего неба, а посередине большими ядовитыми, кислотно-желтыми буквами написано «Парад планет ждет своих звезд!»

В этот же момент завибрировал сотовый Рустама, и он, схватив смартфон, громко рявкнул:

– Да! Какого хрена ты не отвечал?! Что-о-о?! Что ты сказал, мать твою? – медленно опустил руку. – Они потеряли Лексу из поля зрения по дороге из аэропорта.

Глава 4. Лекса

Мне было страшно. Так страшно, что казалось, я вся заледенела изнутри от этого ужаса и паники. Я никогда не переживала подобного унижения от мужчин, со мной носились как с драгоценностью, на меня никто и никогда не повышал голос, и я не знала физической боли, страха, неуверенности в завтрашнем дне.

То, что я испытала, когда эти люди с лицами бесчувственных манекенов, связали мне руки и заклеили рот скотчем, отобрав телефон, было сродни самому настоящему шоку. Мне завязали глаза. Они не произнесли ни одного слова. Они даже смотрели сквозь меня, и это самое страшное – безэмоциональность. Когда видна реакция, ненависть, ярость – знаешь, как себя вести. Я вообще ничего не понимала, кто посмел тронуть дочь Ахмеда Нармузинова, кто решился на подобную подлость? Это мог сделать только тот человек, который достаточно силен, чтобы противостоять моему отцу.

Папа всегда говорил, что никто не осмелится прикоснуться ко мне и пальцем, что мне позволена такая невероятная роскошь в этом мире, где никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Такая роскошь, как отсутствие чувства страха за свою жизнь и за свое будущее. Все эти людишки, которые меня окружают, слишком боятся моего отца, чтобы посметь даже не так посмотреть в мою сторону. И это мощное покровительство я ощущала всю свою жизнь. Только сейчас до меня начало доходить, что я жила в под золотым колпаком, и с меня сдували пылинки. Я же считала этот колпак нормальным явлением и даже подумать не могла, что кто-то может нарушить мою отлаженную шикарную жизнь.

Значит, отец ошибался, и существовал кто-то, кто не боялся его, и кто-то, кто его предал. О моей поездке знали только приближенные Ахмеда, притом, я летела на личном вертолёте нашей семьи. Это было не просто дерзко, а безрассудно – похитить меня прямо под носом у Сами, который глаз с меня не спускал. Охранял даже в туалете. Сейчас я мысленно проклинала его за то, что плохо охранял, и себя за то, что не поняла, что вся эта затея с конкурсом была просто спектаклем, организованным тем, кто приказал меня выкрасть. От обиды на глаза навернулись слезы, на несколько секунд затмив отчаяние. Ничего я не добилась, я лишь попала в ловушку, как идиотка. Самоуверенная, наивная дурочка, поверившая в свою уникальность. Отец был прав, я никто без него и без его денег.

А вот мой похититель невероятно умен и силен, сильнее моего отца. Он все просчитал и заманил меня в капкан из-за моего тщеславия. Мне стало страшно. Дух захватило, и от приступа паники по спине градом покатился холодный пот.

Но ведь может быть, что они не знают, кто я такая? Вот эти люди в машине, которые куда-то меня везут, они же выполняют чей-то приказ и вполне могут не ведать ни кто я, ни кто мой отец. Если попытаться с ними поговорить? Сказать, что за меня заплатят много денег.

Я пыталась, но на меня не обратили внимания, словно я говорю сама с собой, и я начала сопротивляться, кричать, но один из мужчин сжал мне затылок ледяными пальцами и заклеил рот скотчем. Я замерла, парализованная от страха и беспомощности. Тяжело и шумно дыша носом, тщетно пытаюсь справиться с приступом истерики и унять дрожь во всем теле.

Каждую секунду надеялась, что прямо сейчас появятся люди моего отца и спасут меня. Разорвут этих ублюдков на куски. Ублюдков, которые посмели прикасаться ко мне и обращаться со мной, как с бешеным животным. Но отец не появлялся, а меня увозили все дальше и дальше. Несколько часов пути, во время которых я с ума сходила от жажды и от ужаса. Я считала про себя минуты, а потом сбивалась и от отчаяния снова задыхалась, стараясь не рыдаться и не показать им, насколько мне страшно. Отец уже ищет меня. Я уверена в этом. Сами должен был сразу же ему сообщить. Они перевернут весь мир вверх дном и найдут меня,

а тем, кто все это затеял сильно не поздоровится. Но другой голос нашептывал, что меня никто не найдет, что эти люди все продумали, иначе они бы не рискнули выкрасть меня прямо под носом у охраны. И если конкурс был спектаклем, кто-то очень хорошо к этому спектаклю подготовился. Настолько хорошо, что не вызвал подозрений ни у охраны, ни у отца. Перед глазами возник яркий флаер рекламы конкурса, и я прикусила губу, чтобы не разреветься в голос.

Когда машина наконец остановилась, меня выволокли из нее за шиворот. Я мычала и пыталась вырваться, но никто не обращал на это внимания. Меня куда-то потащили, удерживая с двух сторон под руки. Где-то лаяли собаки и завывал ветер. Мы не в городе. Слишком тихо вокруг. Настолько тихо, что мне казалось, эта тишина взрывается у меня в голове новыми волнами паники. Воображение рисовало жуткие картинки заброшенного, полуразрушенного здания или вообще кладбища, и от напряжения болел каждый нерв. Я прислушивалась к любому шороху. Услышав скрип открываемых и закрываемых ворот, лязг замков, дернулась, стараясь хотя бы что-то различить из-под повязки, но меня толкнули в спину и снова куда-то повели.

Почувствовала, как мы спускаемся по ступеням, и моим похитителям было наплевать, что у меня подгибаются ноги и я падаю, больно ударяясь коленями, обдирая косточки на лодыжках, когда подворачивала ноги из-за обуви на высоких каблуках, а они снова поднимали и куда-то тащили. Одну туфлю я потеряла, и теперь пыталась сбросить и вторую, но меня приподняли и просто понесли.

Да, скорее всего они просто не знают, кто я такая, иначе они бы не посмели. Я скажу им, они испугаются и отпустят меня. Все закончится. А возможно, отец заплатит им денег. Эти люди просто хотят выкуп. Правда они не знают, с кем связались и что их ждет за этот поступок. На самом деле это я не знала, куда попала, кто выкрал меня и для чего. Позже я очень пожалела, что всецело положила на отцовскую уверенность в собственной неприкосновенности. Из-за нее я потеряла бдительность, а точнее, я никогда и помыслить не могла, что кто-то осмелится причинить мне зло, учитывая, кто мой отец.

Я оказалась в каком-то помещении, где очень воняло плесенью, сыростью и было ужасно холодно. Когда с моих глаз сорвали повязку, я прищурилась от яркого света и лихорадочно осмотрелась по сторонам. Меня затащили в какой-то подвал с ослепительным освещением, которое било мне по глазам и вызывало режущую боль в висках. Прожекторы светили прямо в лицо, заставляя сильно моргать и опускать голову, справляясь с дискомфортом. Напрасно говорят, что пугает тьма, свет может напугать намного сильнее, потому что из-за него я почти ничего не видела. К темноте можно привыкнуть, а к свету – нет. На него невозможно смотреть. На глазах появились слезы из-за яркости освещения.

– Малышка хотела сцену и софиты – вуаля! В самом лучшем виде для дочери господина Нармузинова.

Они расхохотались, а я попятилась к стене, но меня снова вытолкали на середину помещения.

– Маленькое представление для папочки. Ты ведь споешь нам, девочка? Мы слышали, ты красиво поешь.

– Пусть лучше станцует. Стриптиз.

Они опять заржали, а я старалась успокоиться, не паниковать и не смотреть на прожекторы, а пытаться увидеть тех, кто меня окружал, чтобы запомнить их лица и узнать потом, когда отец найдет их всех и сдерет кожу живьем. Я должна действовать, как он меня учил, так, как всегда действовал он сам. Врагов надо смутить. Заставить сомневаться. Испугать. И я пыталась – лестью, угрозами, ложью и мольбами, но просчиталась – каждое мое слово вызывало у них приступ смеха и новые унижительные комментарии. От этого становилось еще страшнее. Я не представляла, что они собрались со мной делать и зачем тянут время, а потом увидела, как в руках одного из них маленьким красным огоньком поблескивает видеокамера. Ублюдки меня снимали.

Я резко поворачивала голову из стороны в сторону, пытаюсь предугадать их действия, а они толкали меня от одного к другому, как мячик, наступали, загоняя в центр помещения. Вертели вокруг своей оси, дергали за волосы, щипали за щеки и бедра, причмокивая и отпуская пошлые шуточки. Я чувствовала себя игрушкой в их руках. Маленькой, жалкой и беспомощной. Четверо мужчин, против которых я бессильна, и могу только молиться, чтобы какое-то чудо спасло меня от них.

Глаза ублюдков горели похотью, и мне становилось жутко от одной мысли, что они могут со мной сделать. Зачем им это? Ведь я никому не сделала ничего плохого, и они не могут ненавидеть меня лично. Но что-то мне подсказывало, что я тут и ни при чем. Все это устроено для моего отца. Это он им чем-то насолил. А в том, что Ахмед мог, я даже не сомневалась. У меня не было ни одной иллюзии насчет своего отца. Я знала, кто он и на что способен. Он мне это наглядно показал.

Из-за яркого света начало тошнить, выбивая меня из реальности и вызывая чувство невероятной паники. Я по-прежнему плохо их видела, и глаза ужасно слезились, все расплывалось, тушь щипала и текла по щекам.

– Раздевайте сучку. Артист, снимем маленькое видеосообщение для ее папаши, а потом поиграемся.

Еще никогда в своей жизни я не видела такого жуткого наслаждения чьей-то болью и страхом на лицах других людей. Но когда они все плотно обступили меня, лезли мне в лицо своими рожками, я поняла, что значит настоящая жестокость.

Меня никто и ничто не спасет. Я – их жертва, и мне не будет пощады. Им не просто наплевать, кто я такая, а именно мое происхождение и есть самая главная причина, почему со мной так обращаются. Меня пытаются сломать. Скорее всего это месть моему отцу, и сейчас они намеренно будут унижать, чтобы показать ему это видео. Но ублюдки не дождутся от меня покорности и мольбы. Я упрямо сжалась всем телом и яростно дергалась, не давая себя трогать. Мне развязали руки и пытались стянуть через голову платье.

– Красотка. Просто красотка. Расслабься, девочка, тебе понравится. Артист так все снимет, что америкосы обзавидуются.

– Ты хотел сказать немцы?!

Снова издевательский смех, и я чувствую, как по телу шарят их руки, дергают змейку на платье, задирают подол мне на талию.

– Граф приказал только снимать и не трогать. – Сказал кто-то из них.

– Да откуда он узнает? Немного оциплем курочку. Смотри какая экзотическая куколка. Блондиночка сочная, кругленькая, не худющая. Какая попка, а сиськи. Ничего себе!

– Граф не любит, когда нарушают его приказы.

– Мы не сильно, только слегка войдем и сразу выйдем, – он подмигнул мне, а меня затошнило от ужаса и отвращения. – Может, ей понравится. Ты уже пробовала со взрослыми дядями, малышка? Или только с мальчиками.

– Она скорее всего ни с кем не пробовала, папочка не дал бы испортить.

– А мы не испортим, мы немножко потрахуемся и отпустим.

– Уймись, Стриж. Графу это может сильно не понравиться.

– Думаешь, он придет сюда лично? У него в городе дел полно. Давай, снимай с нее тряпки, я посмотреть хочу, что она там прячет под своим платьем.

Но я не сдалась так быстро, яростно сопротивлялась, насколько позволяло мое состояние и неравные силы. Они совершили ошибку, когда освободили мне руки.

Я драла их ногтями, кусала. Но не давала себя раздеть. Твари. Я никогда не позволю, ни на секунду не перестану сопротивляться. Но им все же удалось опрокинуть меня на каменный пол, скрутить снова руки за спиной, связать веревкой. Они держали меня втроем, сев мне на спину, задрав мою голову за волосы и пытаясь снова заклеить мне рот скотчем.

– Ты посмотри, какая тварь строптивая. Вот сука, она меня оцарапала и укусила.

– И меня. Надеюсь, Ахмедово отродье не ядовитое?

– А хрен ее знает, такая же дрянь, как ее папаша-ублюдок. Дал бы Граф волю, я б ему такое видео снял, что он бы от ужаса начал ссать под себя. Ненавижу мразь. Он брата моего, сука, убил.

– Ахмед много кого убил, тварь. У нас у всех с ним свои счеты. Я б тоже суку эту лично убивал, и очень долго. Я б ее папаше по частям выслал.

– Ну может, и снимем как-нибудь снафф, когда Граф разрешит. Он же ее не в гости сюда привез. Хватит играть. Давайте раздевайте суку! Нам через час отправить надо. А еще монтаж, все дела.

Стриж перевернул меня на спину и, достав нож, разрезал на мне платье по бокам, раздался треск материи, когда он содрал его с моего тела. Я извивалась, пытаюсь вырваться, но двое других держали меня слишком крепко. Один за волосы, а другой за плечи придавил к полу. На глаза от ужаса навернулись слезы. Стриж крутил ножом у моего лица, и я видела в лезвии свое собственное отражение с расширенными глазами и бледными губами.

– Страшно? Да-а-а, очень-очень страшно. Покричи, позови папочку. Развлеки нас. Это сродни оргазму, слышать, как орет дочь Азиата.

Но я не кричала, тяжело дыша, смотрела на ублюдка, запоминая каждую черту лица. Молодой, борзый моральный урод. Лицо квадратное, как и вся его фигура. В глазах пусто. Ничего кроме похоти и наслаждения моим страхом. На виске родимое пятно. Оно врежется мне в память, и когда-нибудь я срежу его так, как он срезал с меня одежду.

– Когда отец найдет тебя – я лично оторву твои яйца и скормлю своим псам. – прошипела я.

Стриж расхохотался.

– Когда твой отец найдет тебя, твое тело обглодают черви, малышка. Отсюда обратно не возвращаются. Поэтому заткнись и не приближай день своей смерти. Мы же можем и разозлиться. Что нам мешает убить тебя прямо сейчас?!

Стриж срезал с меня лифчик с трусиками, он демонстративно поднес их к камере и повертел на кончике ножа, словно показывая невидимому зрителю. Паника достигла своего пика, я задыхалась судорожно, дергая головой, пытаюсь освободиться из захвата жестоких пальцев, впивающихся мне в волосы.

– Поднимите её и покрутите, покажите папе во всей красе. Какое сокровище вырастил. М-м-м-м... девочка-конфетка. Кому-то достанется сочный приз.

– Мне-е-е-е, – прошептал Стриж и лизнул мою щеку, и вот тогда я закричала, а они снова расхохотались. Когда меня толкнули к Стрижу, и он схватил меня за грудь, я изловчилась и укусила его за руку.

– Ах ты ж тварь.

Он замахнулся, но второй перехватил его запястье.

– Не бить, – зашипел прямо в лицо, – пока Граф не приказал иначе.

– Снимай её, Артист. Во всей красе. Ставь на четвереньки. Я люблю сзади.

Я дрожала и пыталась отвернуться от камеры, которую теперь тыкали мне в лицо. Закрыла глаза и думала о том, что когда отец найдет меня, я лично убью каждого из них. Я их всех расчленю на мелкие кусочки. Они сдохнут как собаки вместе с их Графом, который приказал меня похитить. Я тогда еще не понимала, что это лишь начало ада. Я думала, это самое страшное, что может со мной произойти.

Я сильно заблуждалась. Самое страшное еще даже не маячило на горизонте. Со мной лишь немного поиграли, устроили представление для отца.

– Эй... кошечка, у нас для тебя лакомство. Если будешь хорошей девочкой – мы покормим тебя. – Стриж начал расстегивать ширинку, – я припрятал кое-что для папиной девочки.

– Да ну нафиг. Не дури. Не трогай её.

– Да что ты за трусливая псина, Аритист. Ты снимаешь, вот и снимай себе. А я слегка поиграюсь. Мне она нравится. У меня стоит на нее с первой секунды, как увидел. Зачем она Графу? Разве не за этим? После того, что с его дочерью...

Я насторожилась, прислушиваясь, пытаюсь понять, о чем они говорят.

– Заткнись! Камеру он будет просматривать понимаешь?

– Сотрем половину. Ко-о-о-ошечка. Хоро-о-о-ошенькая. Беленькая. Иди ко мне. Встань на коленки и открой ротик. Скажи мне а-а-а-а-м.

Я терпеливо выжидала. Пусть только тронет, я вгрызусь ему в лицо. Сожму зубами его щеки и буду держать, как французский бульдог, насмерть. Им не удастся легко заполучить меня. Или я не Лекса Нармузинова.

– Ты будешь покладистой и ласковой, а за это я не сделаю тебе больно. Я даже сделаю тебе хорошо. Вот увидишь. О-о-очень-очень хорошо. А потом Артист сделает хорошо, а после него Винт и Жора. Мы все будем делать тебе хорошо. Может быть я даже вылижу твой персик, – он провел языком по моей шее и просунул руку мне между ног, а я, резко дернувшись вперед, впила зубами ему в щеку. Так сильно, что во рту появился привкус крови.

– Сука! – заорал Стриж, отталкивая меня от себя и хватаясь за лицо, – Сука, проклятая бешеная сука! Она укусила меня, тварь. Посмотри на эту гадину, – она улыбается, эта тварь улыбается. Да я ее отдеру во все дыры. Держите ее, парни.

Он набросился на меня снова, пытаюсь насильно раздвинуть мне ноги, двое других продолжали меня держать, а четвертый снимать.

– Какого черта здесь происходит?

Стриж мгновенно вскочил с расширенными от ужаса глазами, и тогда я все же отчаянно закричала, срывая голос, а по щекам градом покатились слезы. Мне почему-то показалось, что этот кто-то, с низким, хриловатым, знакомым голосом, пришел меня спасти. А когда я его увидела, то сердце пропустило сразу несколько ударов, а потом зашлось в бешеном ритме. Передо мной стоял Андрей Воронов и с яростью смотрел на своих людей, которые тут же отпустили меня, и я метнулась к стене, прикрываясь руками и вжимаясь в нее всем телом, чувствуя, как перед глазами темнеет от пережитого шока, а по щекам катятся слезы.

Глава 5. Андрей

Распахнул дверь подвала и захлебнулся от внезапной ярости. В висках застучало, а перед глазами – мутная пелена. Что они, мать их, творят? В голове не успело промелькнуть ни одной мысли – рука инстинктивно дернулась к кобуре, и уже через секунду один из отморозков рухнул на колени. Я прострелил ему голень. Он взвыл от боли и схватил себя за ногу в месте ранения, с ужасом наблюдая, как сквозь его пальцы просачивается кровь. Не знаю, что взбесило меня больше – то, что посмел послушаться, или что намеревался сделать. Я до нервной дрожи ненавидел насильников. Ни одна тварь не вызывала во мне такого презрения. Готов отстреливать их собственными руками, перед этим пытая самыми изощренными методами. Это не мужик больше, не человек даже – ничтожество. То, от чего нужно избавляться, как от гнилого и вонючего мусора.

Вслед за мной в помещение вбежал Русский и, клянусь, я впервые в жизни заметил, что в его глазах промелькнул страх. Он даже оторопел, понимая, что за такие проколы пощады не будет.

– Граф... я ...

– С тобой я потом разберусь, – не дал ему вставить и слова, – спермотоксикозников своих убери отсюда нахрен!

Стриж продолжал валяться на полу, сжимая простреленную конечность. Его лицо исказила гримаса боли, а я смотрел на это отребье со спущенными джинсами и понимал: еще секунда – и я разряжу всю обойму. Молча. Наблюдая, как его тело превращается в дырявый кусок мяса.

– А-а-а, я не могу встать... не убивай, Граф.. не убивай...

– Что? Не можешь идти? Ползи...

Русый подбежал к раненому, дернул его за воротник куртки, приподнимая, и тот обхватил его за шею. Остальные, побледневшие, с расширенными от страха зрачками, пятились в сторону двери, боясь поворачиваться ко мне спиной. Я проследил за ними взглядом, не произнеся ни слова. Хотя сейчас они были не нужны, каждому лучше начать молиться. Тоже молча...

Когда дверь в подвал закрылась, я наконец-то посмотрел на девчонку. Она сидела в углу, присев на корточки и, обхватывая хрупкими руками свои колени, пыталась хоть как-то прикрыть наготу. Клочки одежды валялись на полу по всему помещению, на столе – разорванный золотой браслет с подвеской в виде скрипичного ключа. Допелась девочка... она тихо всхлипывала и наблюдала за происходящим сквозь полуопущенные ресницы. Ее плечи время от времени приподнимались, а тело била мелкая дрожь. Я снял пиджак и, сделав несколько шагов в ее сторону, бросил его.

– Прикройся...

Она наконец-то подняла голову, и в глазах, вокруг которых образовались грязные потеки от туши, блеснула злость.

– А ты, типа, благодетель, да?

Я продолжал молча за ней наблюдать. Мелкая, обнаженная, в западне... от страха трясется, но дерзит. Это что? Смелость? Да нет, скорее, глупость. Попытка показать, что ей не страшно. Что не сломается. Что мужчина с пистолетом в руках в темном подвале – это так, розыгрыш. Как и четверо чурбанов, которые ее чуть не отымели несколько минут назад.

Рассматривал ее словно зверушку в клетке – забавную такую. Что-то на подобии тех карманных собачек, которые громче всех лают. Они кажутся себе грозными и страшными, а на деле вызывают только снисходительное умиление.

– Предпочитаешь перед мужчинами расхаживать голышом? А орала-то зачем, а? Могу обратно благодарную публику позвать...

Ее губы сжались в тонкую линию. Она оставалась на том же месте – сидела, съезжившись, а рядом лежал брошенный мной пиджак.

– В этой комнате нет ни одного мужчины, который достоин на меня смотреть, не то что трогать... – пафосно и заносчиво. А мне на этот раз почему-то вспомнился взъерошенный воробей, который распушил свои перья, чтобы согреться. Только все это представление мне начинало надоедать, поэтому церемониться с ней долго я не имел ни малейшего желания. Хватит!

– В этой комнате нет больше ни одного мужчины, которому это было бы интересно... Так что не обольщайся!

Мне кажется, она даже хмыкнула от такой «вопиющей наглости». Я словно читал, как в ее голове вертятся мысли «Да что он себе позволяет? Мудак!» Она сжала тонкие пальцы в кулаки и ударила ими о стену.

– Так какого черта ты меня тут держишь? Да ты вообще знаешь, кто мой папа? Он тебя в порошок сотрет... ясно?

– Я буду ждать с нетерпением... Думаешь, придет?

– Он не просто придет – он всех вас заставит ползать у меня в ногах... – ее звонкий от природы голос звучал в этих бетонных стенах приглушенно и тихо. Не произвел должного эффекта.

– Все? Монолог окончен? Станиславский аплодировал бы стоя... Но его время прошло. Вставай давай, мы уходим...

– Никуда я с тобой не пойду!

– Не вопрос. Посидишь тут недельку без еды и отопления... если выживешь, конечно.

Я направился в сторону выхода, не оборачиваясь. Спокойным, размеренным шагом, делая вызов и говоря в трубку:

– В подвал не заходить. Дверь не открывать. Да! Вообще! Ни под каким предлогом!

– Стой! – я услышал позади себя ее голос и ухмыльнулся. Бунтарка, похоже, начинает соображать, что шутить с ней никто не будет. Я не обернулся и в этот раз, так, словно не услышал. Послышались шаги ее босых ступней по холодному полу. Она встала рядом, едва доставая до моего плеча, утонув в моем, таком огромном на ней, пиджаке, и все равно горделиво вздернула подбородок. Я, не произнося ни слова, отворил дверь и кивнул головой, указывая направление...

Я пересматривал видеоролик уже несколько раз подряд и предвкушал, как ублюдок-Ахмед будет рвать на себе волосы и вгрызаться зубами в собственные кулаки, чтобы не завывать на весь дом. Потому что кадры были невероятными. И в какой-то момент я даже обрадовался, что отморозки решили нарушить мой приказ – страх в глазах девчонки был настолько впечатляющим и искренним, что у меня у самого по позвоночнику пробежал холод. От какого-то извращенного восторга. Так не сыграешь. Так смотрят только тогда, когда понимают, что надежды уже не осталось. Треск материи... Глаза, которые она жмурит от яркого света... Волосы, которые слиплись от слез... Хрупкие ладошки, инстинктивно прикрывающие грудь... невероятно светлая кожа, на которой уже виднеются несколько синяков и ссадин. И все это – под насмешки и грязные реплики словно одичавших от воздержания кобелей. Их похоть вибрировала в воздухе и пугала больше любой угрозы... Девчонку накрыла волна паники, она сопротивлялась и кусалась, как дикая кошка, распаяя их еще больше... И финальный кадр – голый зад спустившего брюки упитанного бритоголового отморозка...

Я расселся в огромном кожаном кресле, попивая виски и постукивая пальцами по подлокотнику. Ну же, Ахмед... я ведь знаю, что ты отреагируешь. Знаю, что сорвешься. Наизнанку

выворачивать будет от бессилия. Отвернуться от экрана захочешь, но глаз отвести не сможешь. Высматривая каждую мелочь и затыкая уши от криков своей маленькой принцессы. Смотри! Подыхай! Жри и захлебывайся. Так, как захлебываюсь я все эти месяцы. На стену лезть будешь от безумного отчаяния и мыслей, что в любой момент можешь получить еще одно такое видео. Десятки или сотни таких видео, не зная, чего ожидать на следующем.

Внезапно зазвонил телефон, и мне даже не нужно было смотреть на дисплей, чтобы узнать, кто это. Просто снял трубку и сразу же ответил:

– Ахмед, от нашего стола к вашему столу, как говорится. Подарок получил?

– Граф, сука, я тебя урюю! В бетон закатаю... Понял, мразь?.. Ты мертвец уже... Аллахом клянусь!

Я наслаждался каждым его словом, наполненным животным страхом и бессилием. Я знал, что он боится. До ужаса. Это читалось в его сбивающемся дыхании, он как будто задыхался, а его голос время от времени переходил в сипение.

– Тихо... тихо, Ахмед. Не расстраивайся, дорогой. Да, не Тарантино, конечно. Признаю... Но я пока только учусь... Зато актерская игра – на высоте. Девочка старалась... Оценил?

– Бл***! Ты, ублюдок вороновский, попробуй ее только пальцем тронуть! Кишки свои же жрать заставляю... Понял меня? Всю семью кровью затоплю!

– Нет ничего нелепее запоздавших угроз, Нармузинов. А дочь у тебя – в самом соку... Девочка созрела, так что ... скоро я пополню твою видеокolleкцию, мразь!

Я бросил трубку и залпом допил все содержимое бокала – за то, что все идет по плану!

Четверо ссутулившихся мужиков уже несколько часов стояли во дворе дома. На улице лил дождь, и они дрожали от холодного ветра, который обдувал их со всех сторон, пробираясь через насквозь промокшую одежду. Тела ломило от напряжения и сводило судорогами от долгого стояния в одном положении. Двигаться было запрещено. Русский, скулы которого все это время не прекращали ходить ходуном, время от времени подходил к каждому из них, чтобы нанести очередной удар по ребрам, лицу, пояснице. Он был очень зол. Он был в бешенстве. Потому что все их действия – на его ответственности. Они пешки, но за каждого из них ручался именно он. И сейчас он, так же как и они, пребывал в неведении, полагаясь только на то, что Граф не вычеркнет из памяти годы его преданной службы.

Было уже далеко за полночь, окружающий мир погрузился в темноту, только в одном окне дома горел свет. И каждый из провинившихся знал, кто не спит наряду с ними. Они дико устали, их тела словно одеревенели, мышцы затекли, а голову сковывала адская боль – ветер, который разгулялся еще сильнее, обдувал их мокрые волосы и словно просверливал черепа, чтобы раздробить изнутри. У Стрижа, из-за которого они все и оказались в этой ситуации, начали сдавать нервы – самым невыносимым оказался, да и ранение в ногу давало о себе знать.

Русский, не могу больше, не могу стоять. Ну не издевайтесь... я сдохну скоро от потери крови...

Сдохнешь ты от недостатка мозгов, а крови у тебя, как у быка, – Русский заехал ему в челюсть и сплюнул на землю.

В этот момент из дома наконец-то вышел Граф. В длинном черном пальто, без зонта, и за считанные секунды вся его одежда стала такой же мокрой, а струйки воды стекали по суровому, словно высеченному из камня лицу. Только глаза сверкали лихорадочным блеском.

Я смотрю, тест на моральную стойкость провален...

Граф, понял я все... понял. Не прав был. Пощади... умоляю... Сил нет больше... Лучше сдохнуть, чем вот так...

Не переживай, Стриж, я дам тебе выбор. Сдохнуть, говоришь, – приложил револьвер к его виску и нажал на спусковой крючок. Послышался характерный щелчок, и Стриж, не

выдержав напряжения, грохнулся на землю и схватил Воронова за ноги, – не надо-о-о-о, – всхлипывая, как сопливый ребенок, – прошу, не надо-о-о, Гра-а-аф...

Мужчина с омерзением оттолкнул рыдавшего в истерике парня ногой, вставил в пистолет заряженный магазин и с бесстрастным, не выражающим ни одной эмоции лицом, спросил, тихо и спокойно – так, словно интересовался, сколько сейчас времени:

В голову или пах. Одно слово. Иначе я решу сам!

Стриж выбрал, и в следующую секунду взвыл от дикой боли, сгибаясь пополам и извиваясь. – Сука-а-а-а, а-а-а...

Трусливый и жалкий, он готов был смириться с отсутствием мужского достоинства, но жить. Не понимая, что ему осталось от силы минут десять – больше не выдержит, скончается от потери крови.

Стоящие рядом мужчины поежились – только теперь не от холода, а от ужаса. Их друг валялся на земле, корчась от болевого шока, и выл, как дикая собака. Только это не самое худшее, что их сегодня ожидало. Андрей Воронов повернулся к ним и так же медленно, хладнокровно, безучастно каждому из них прострелил колени. Один за другим звуки выстрелов – и после каждого один из мужчин падал ниц. А скулеж Стрижа разбавили разноголосые вопли остальных.

Граф приказал отворить ворота и сказал:

“До ближайшей больницы пятнадцать километров. Доползете – может и выживете. Но я надеюсь, сегодня в мире станет еще на три мрази меньше”

Я так и не уснул сегодня. Мысли, эмоции, впечатления – все это завертелось каким-то неконтролируемым вихрем, будоража и разгоняя адреналин по телу. Я так долго ждал этого времени, так долго душил в себе всю ненависть и эмоции, и вот наконец дождался. Где-то там, за пределами этого дома, разворачивается самый настоящий конец света. Вселенная Нармузинова рушится у него на глазах, и он не знает, в какой момент будет погребен под руинами своего же надуманного величия. Золото его роскошной жизни плавится, превращаясь в кипящую лаву, которую я залью ему в глотку. И я, черт возьми, наслаждался. Не видел ублюдка, не слышал, не наблюдал за ним, но просто знал, что он сейчас рассыпается на части. Поднял на уши всех людей, половину сразу же пристрелил – кого-то по делу, кого-то за компанию. Это паника. Это страх от неизвестности. Это потеря контроля. Над собой, своим гневом и своей жизнью. Я чувствовал эту агонию на расстоянии, и она становилась моей собственной силой. Чем больше он сходил с ума – тем ярче играли краски в моем мире – том, который последние три года был серо-черным. Это похоже на зависимость, потому что мне уже необходима была новая доза его отчаяния. Все мои мысли – о следующем шаге, время которого наступит очень скоро.

Я спустился вниз – в столовой меня ждал свежесваренный кофе. Сделал первый глоток, наслаждаясь горькой жидкостью, и краем глаза заметил Тамару Сергеевну. В руках у нее был пустой поднос.

Доброе утро, Андрей Савельевич... Что будете на завтрак?

Доброе-доброе, Тamarочка. Не голоден.

Ну как же так-то? Кофе да кофе... нельзя ведь так. Вот девочка, молодец какая, весь завтрак проглотила...

Я был удивлен. Честно говоря, я ждал летящих в сторону охраны подносов и прочих капризов истеричной избалованной девицы. А тут, как примерный ребенок, “первое, второе и компот”.

Хороший аппетит, говорите? Просто вы очень вкусно готовите, Тамара Сергеевна...

Ох, Андрей Савельевич, – женщина слегка покраснела, но заметно было, что расцвела от этого комплимента, – спасибо... спасибо. Да, хорошая такая девочка. Это ваша родственница, наверное. Такая же воспитанная и культурная...

Да, родственница. Погостит у нас какое-то время...

Я вышел из столовой и прошел в гостиную. Вся эта показная покорность – игра. Даже сомнений быть не может. Что там в ее юной голове творится – черт его знает. Затишье перед бурей? Даже не сомневаюсь. Поймал себя на мысли, что хочу прямо сейчас подняться по лестнице и войти в ее комнату. Понаблюдать за этими неожиданными метаморфозами.

Не успел я встать, как услышал странный звук – так, словно что-то с грохотом разбилось. Не медля ни секунды, побежал в сторону крайней комнаты в левом крыле. Дернул ручку – заперта. Со всей силы толкнул плечом и выломал к чертовой матери. Рядом с подоконником стояла Александра – оконное стекло разбито, один из осколков торчит из ее ладони, во второй – держит еще один, побольше размером:

Не подходи! Покалечу, ясно?

Я остановился и сверлил ее взглядом, вкладывая в него всю ярость. Дура малолетняя! Осколком стекла решила меня напугать. Дьявол, мне так хотелось сейчас встряхнуть ее за плечи и толкнуть о стену – в глаза ее посмотрел, и тот самый огонь увидел, как у папочки ее, психопата гребаного. Такая ненависть нахлынула, что своими руками хотелось из окна этого вытолкнуть и наблюдать, как вниз лететь будет. Сломать, как куклу пластиковую. Стереть с лица надменность эту и блеск в тех самых глазах затушить. Чтоб от боли задыхалась, как Карина, и своей тени шарахалась. Но она мне пока еще нужна. Нельзя ее.. ни из окна, ни с балкона, ни с крыши, черт возьми.

Сделал шаг вперед, а она, крича, что убьет или, если не получится, то изуродует, начала размахивать куском стекла, который уже впивался в ее пальцы.

Я увернулся и, молниеносно схватив ее за запястье, вывернул ей руку, чтоб разжала пальцы.

Отпусти! Не трогай меня, сволочь!

Оттолкнул ее от себя, и она начала растирать руку, кровь тонкими струйками стекала по коже, но она не обращала внимания.

И чего ты хотела этим добиться? Через окно выбраться? Так давай – вперед! Попробуй! Или ты возомнила себя кошкой, у которой семь жизней? Идиотка мелкая!

Да мне пофигу, как отсюда выбраться. Я не буду тут сидеть и ждать своей участи, как овца на заклинании, ясно?

Почему как? Сейчас именно ее ты мне и напоминаешь.

На наши крики сбежались охранники и Тамара Сергеевна. Она ойкнула и замотала головой, хватаясь за сердце. Я приказал скрутить девчонку, обработать раны и ремнями привязать ее к кровати. Пусть полежит, подумает. Она вырывалась, кричала, угрожала, но это было бесполезно.

Еще одна выходка – сменим тебе гардероб... смирительная рубашка, судя по всему, тебе в самый раз! – и с этими словами вышел из комнаты, направляясь к своей машине.

Глава 6. Макс

Я припарковался возле ночного клуба рядом с её машиной и усмехнулся, закрывая ей выезд с парковки.

Сюрприз, маленькая. О да-а-а, конечно я тебе доверяю. Несомненно, девичник с подружками совершенно невинное мероприятие, особенно когда я в отъезде. Вышел из машины, пикнул сигнализацией, сунул ключи в карман и взбежал по мраморной лестнице. Приподнял одну бровь, увидев название заведения. Неплохо девочки развлекаются. Название мне не сообщила. Я снова посмотрел на СМСку.

«Мы с девчонками на девичнике. Ты не отвечал на звонки. Люблю тебя. Перезвони мне, как сможешь».

В самолете был, к ней летел и не мог ответить. Как СМСку прочел, сильно сжал сотовый пальцами, и внутри волна уже знакомая накрыла, а я дышу медленно, стараясь успокоиться. Тихо, Зверь, спокойно. У нее и своя жизнь должна быть, не все на тебе замыкается. К себе цепями не привяжешь, не души её. Пусть развлекается. Ну да, а сам в машину запрыгнул и педаль газа на всю.

«Гера, где моя жена? Координаты сбрось и все. Кто там её ведет? Лысый? Отлично. Я уже в городе. Адрес скидывай. Я жду».

Через пару минут адрес пришел на мессенджер, а я как раз влетел на нужную улицу. Усмехнулся, когда менты следом увязались.

«Мерседес, черного цвета, номер 5674МАХ, притормозите сразу за светофором».

Свернул к обочине, отстукивая пальцами по рулю, когда молоденький лейтенант склонился к машине.

– Ваши права, пожалуйста.

Поднял на него усталый взгляд, сунул руку во внутренний карман, достал портмоне, отсчитал двадцать купюр достоинством в сто баксов каждая, продолжая смотреть молокососу в глаза, сунул их ему в карман.

– Здесь на три штрафа сразу.

Он судорожно слотнул, а я усмехнулся снова, отсвистел ему «наша служба и опасна и трудна» и ударил по газам, оставляя позади себя ошарашенного мальчишку с четырёхмесячным окладом в руках.

Мало платите ментам, господа. А пока мало платите, всегда найдутся те, кто заплатят больше, и срать они хотели на ваши гребаные законы. У такого мудака, как я, права отобрать надо, тачку отогнать на штрафстоянку за сто двадцать по городу, а мент не может – ему детей кормить надо или мать пенсионерку. Вот и весь закон. На меня он будет всегда работать, а не на государство, потому что Я его кормлю, а кто кормит, тот и заказывает музыку.

Охранник без слов пропустил меня внутрь заведения. Еще бы попробовал не пустить. Напрягся, когда я пристально посмотрел ему в глаза. Коксом, видать, опять торгуют втихаря. Расслабься, шкаф, я за своей личной наркотой приехал. Мне не до вас сегодня. Хлопнул его плечу.

– Все ништяк, не нервничай. У меня тут свои дела. Дانه привет передавай пламенный.

Зашел в зал, и по глазам резко ударили прожекторы, крутящиеся под потолком в бешеном темпе, и неоновые сверкающие вспышки. В стороне, утопая в дымке, пара столиков, и на сцене мужики извиваются. Накачанные лоснящиеся красавчики у шестов в бабских трусах. Усмехнулся еще раз, уже зло, отыскивая взглядом жену и сбрасывая куртку, усаживаясь за барную стойку.

Заметил её возле столика справа от сцены, танцует, взгляды бросает на красавчиков. Знал бы – не пустил. Нехрен на мужиков пялиться.

Осмотрел её с ног до головы, и в горле пересохло. Бля***ь, никогда не привыкну к этой красоте. Каждый раз вижу, и стопорит. Зависаю на доли секунд и думаю о том, что все МОЕ! Вот это роскошное тело в коротком платье с блестками, длинные ноги, полная грудь и шикарные волосы, манящий рот. В паху тут же прострелило, и перед глазами картинка замелькала, как обхватывает ногами мои бедра пока я яростно долблюсь в ее тело.

Неделя – это дьявольски много. Облокотился о барную стойку спиной и уже через секунду сделал глоток ледяного виски. Не видит меня, танцует с подружками, а я голодный, как зверь. из аэропорта сюда сразу. Увидеть немедленно. Ломка дикая все эти дни сжирала. Сорвался к ней, послав все сделки к чертям. Потом разберусь. С ней хочу, хоть на одну ночь, не то загнусь.

Она изменилась, моя девочка. Подростковая угловатость пропала. Вся округлая, сочная, превратилась в женщину. Смотрю на нее, и в горле драть начинает, дыхание учащается и взгляд скользит по роскошному телу, затянутому в блестящую ткань, по ногам в черных чулках и тонким лодыжкам, и снова вверх к груди. Скулы свело от желания сдвинуть её ладонями. Смеется, запрокидывая голову и потягивая шампанское из бокала. Ревниво просканировал периметр – кобелей поблизости не заметил и снова на нее взгляд перевел, глотая холодный напиток, чувствуя, как обжигает нервы. Давай, детка, обернись, хочу твой взгляд, когда ты меня увидишь.

Заметила меня, и глаза округлились, замерла, убирая растрепанные волосы с лица, насторожилась. Знает, что мне это может не понравиться. Отсалютовал ей бокалом и отправил смску.

«Продолжай. Я посмотреть хочу. Ты в чулках?».

Улыбнулась уголком рта. Бестия. Поняла, что я голодный. По взгляду вижу. Она уже меня изучила, моя малышка. Отпила из бокала, продолжая извиваться в танце, намеренно разворачиваясь ко мне спиной и вращая бедрами. Маленькая ведьма знает, как меня возбуждает её округлая попка. И кровь начинает закипать в венах, пальцы сильнее сжимают бокал. Смотрю на нее, и все тело простреливает адреналином, в штанах становится тесно, когда вижу, как ее руки скользят по тонкой талии, по бедрам, слегка приподнимая блестящий шелк по бокам, показывая мне резинку чулок. Твою ж мать! Бокал с грохотом на стол.

– Повтори. – Бармен наполнил его снова, а я глаз с нее не свожу. Сексуальная до безумия. Знает, как довести до озверения. Уже её подружки обращают на нас внимание. О-о-о-о, малыш, да они, оказывается, меня не знают, а ты и не торопишься говорить, да? Наслаждаешься ситуацией? О, она наслаждалась, продолжая меня дразнить, опуская пальчики в бокал и призывно их облизывая, проводя ладонями по груди, потряхивая волосами, не отрывая от меня манящего взгляда. Соблазняет и уже видит реакцию. Чувствует на расстоянии. К черту игру. Хочу ее сейчас.

Сделал жадный глоток, поставил бокал и пошел к ней, протискиваясь между танцующими. Рывком развернул к себе, заставляя танцевать со мной, удерживая за затылок и за талию. Подружки присвистнули, а я уже наклонился к ее уху.

– Разогрелась, малыш?

Ее колено между моих ног, и она слегка приседает в танце, слегка разворачиваясь, намеренно касаясь бедром моего паха, глядя на меня блестящими глазами с расширенными зрачками. Голод и возбуждение – поплыла, маленькая. Поднимается вверх, потираясь о мою плоть животом и разворачиваясь спиной ко мне, прижимаясь ягодицами к уже окаменевшему члену. Сжал за талию и придавил к себе, скользя по ягодице жадной ладонью и шепча ей в ухо.

– Я тебя разорву на части, девочка. Слышишь? Я порву тебя.

В ответ легкий стон и наглое трение о мой член. Все. Хватит. Доигрались.

Схватил за руку и потащил за собой. У выхода в служебные помещения сунул охраннику пару купюр и, глядя на нас, тот мгновенно понял, чего я хочу – бросил мне ключи.

– Там бильярдная. За углом, дверь слева.

Я усмехнулся, сдвинул ладонь Дарины и потащил жену за собой.

Не дошли до комнаты, впечатал ее в стену и с рыком набросился на ее рот, впиваясь в распущенные волосы обеими руками, сатанея от ее стога. Обвивает мое бедро ногой, извиваясь в ответ, а я проталкиваю язык ей в рот, кусая губы, сильно сжимая за ягодицы, просунув руки под платье. От бешеного возбуждения трясет. Схватил за талию и к двери потащил, продолжая дико целовать. Пока отпирал замок, почувствовал ее пальчики на своем члене. Выдохнул с шипением. Втолкнул Дарину внутрь комнаты, запирая за нами дверь, подхватывая ее за ягодицы и поднимая вверх, заставляя обвить себя ногами, впиваясь губами в ее грудь через материю, кусая соски. Никакой нежности, я голоден до такой степени, что готов её грубо насиловать. Бросил на бильярдный стол, разводя ей ноги в стороны, сжимая за лодыжки и набрасываясь на ее плоть через трусики. Слышу жалобный стон, выгибается, впиваясь в мои волосы пальцами, а я отодвигаю шелк в сторону зубами и жадно скользя языком по лепесткам. Бл***ь, девочка, как же охренительно ты пахнешь. Сладкая, невыносимо сладкая.

С рычанием войти в нее средним пальцем, жадно посасывая клитор, обводя его языком и ухмыляясь её громким стоном и всхлипам. Да-а-а-а, маленькая, сначала я сожру тебя, ты покричишь для меня. В ответ на мои мысли – пульсация плоти под языком. Течет мне на пальцы, заходясь в крике, сжимается и содрогается от оргазма так мощно и жадно, а меня трясоти начинается. Представляю, как она так же сожмет мой член. Сдернул со стола, развернул спиной к себе и плашмя уложил обратно на стол животом, задирая платье на пояс, поставил ее ногу коленом на столешницу, сдирая трусики одной рукой, а другой лихорадочно расстегивая ширинку, чтобы заорать, когда вошел в нее одним ударом. Все еще сокращается от оргазма, а я с первым толчком почувствовал, как искры из глаз посыпались, обхватил за горло, поднимая к себе, заставляя прогнуться в пояснице, сдирая вниз корсаж платья и обхватывая груди ладонями, кусая ее за затылок и сжимая соски, жестко вбиваясь в нее на бешеной скорости. Да, детка, я голоден, а ты дразнила. Слишком сильно дразнила меня. Она заводит руку назад, впиваясь в мои ягодицы ноготками.

– Голодная малышка, – вдалбливаясь в нее все сильнее, – хотела, чтоб ее трахнули прямо здесь?

И чувствую, как от моих слов она сжимается. Да, моя девочка любит, когда я ее грязно имею словами.

– Говори, хотела?

– Дааааа, хотела. Ма-а-а-акси-и-им.

Бля***ь, когда она вот так выстанывает мое имя, я с ума схожу. Обхватить ее попку ладонью, насаживая ее на себя и жадно кусая ее затылок, шею. Оставляя голодные засосы, пока не почувствовал, как она снова сильно сжимает меня изнутри и кричит, так сладко и громко кричит, утягивая меня за собой. С рычанием изливаюсь в нее, продолжая двигаться и сжимая одной рукой сочную грудь, а другой шею. Музыка заглушает наши вопли и стоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.